

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Р. Г. МУКМИНОВА, М. И. ФИЛАНОВИЧ

ТАШКЕНТ
НА
ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ

**(ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ ГОРОДА)**

Ташкент
Издательство «ФАН»
2001

Ташкент один из древнейших городов Средней Азии. В 1983 г. он отметил свое 2000-летие.

Ташкент можно назвать мегаполисом в современном смысле слова

Предлагаемая читателю работа написана в виде очерков, что объясняется, с одной стороны, неравномерностью наличия источников, освещающих тот или иной период истории города, восстанавливать которую приходится по крохам: данные археологии, изучение нумизматики, топонимики, письменные сведения, этнография. Вместе с тем, ограничив повествование в основном эпохой древности и средневековья, авторы хотели бы привлечь внимание широкого круга читателей к этим глубинным периодам, когда Ташкент наравне с Бухарой, Самаркандом, Термезом, Ургенчем входил в золотой венец городов Туркестана и Мавераннахра.

Авторы сочли уместным привести в заключение рассказ американского путешественника Юджина Скайлера о Ташкенте второй половины XIX в., именно потому, что он содержит массу глубоко традиционных подробностей повседневной жизни, ремесленных навыков горожан, интерполируя которые можно значительно обогатить представление о Ташкенте средневековым.

Авторы надеются, что работа рассчитанная на широкий круг интересующихся историей родного края, также обратит на себя внимание специалистов - историков, археологов, преподавателей вузов.

Ответственный редактор д.и.н. Д.А.АЛИМОВА

Рецензент д.и.н. Р.Х.СУЛЕЙМАНОВ

ISBN 5-648-02794-X

© Ташкент на перекрестке истории. Издательство «ФАН». 2001.

**ДЕСЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Выслушай несколько превосходных замечаний
Послушай описание царства Ташкента,
Страны, прелесть которой повсеместно
Известна понимающим людям...
...Всякий, поселившийся в этой стране,
Больше не вспомнит о рае.
Умереть там – гораздо лучше,
Чем быть живым в другом мире.
Земля там такая, что сколько нужно
Туча милость на нее проливает.
Ветер пыль ее уносит на небо,
Чтобы ею лечили глаза ангелы...
... Вода ее такова, что вода жизни
Спряталась от стыда во мраке...*

*Зайнабдин Восифи.
«Ода Ташкенту», XVI век.*

ВВЕДЕНИЕ

Ташкент - один из древнейших городов Центральной Азии - в 1983 г. он отмечал свое 2000-летие. Колыбелью Ташкента стал плодородный, в изобилии снабженный водой оазис, бывший крайним форпостом цивилизаций древних земледельцев на границе с бескрайней степью, где издревле господствовали скотоводы-кочевники. В силу географического расположения город на протяжении своей истории оказывался в гуще политических событий: через него проходили главные волны миграций народов, основные трассы торговых путей. Не раз, будучи разрушен и сожжен, Ташкент вновь возрождался как Феникс из пепла, чтобы стать еще прекраснее, и вновь занимал позицию ведущего торгово-ремесленного и культурного центра Туркестана. Не раз, на протяжении веков, становясь столичным центром политических образований, он играл заметную роль в становлении узбекской государственности. Независимость Узбекистана, десятилетие которой отмечается в этом году, берет начало от древних истоков. Накопленный исторический опыт Ташкента явился своеобразным вкладом в современный статус столицы республики.

Ташкент можно назвать мегаполисом в современном смысле слова, вместе с тем, он вобрал в себя массу исторических свидетельств далекого прошлого.

Благоприятные условия жизни эпохи каменного и бронзового века притягивали первобытного человека, стоянки которого открыты внутри современного города. Археологические городища - Шаштепа, Актепа, Мингурюк и др., около 30, - немые свидетели, как зарождения города с первых веков до н.э., так и истории его развития на протяжении более двух тысяч лет.

Истоки города идут из глубин тысячелетий, времени о котором не сохранилось письменных источников, узнать о них помогает археология. Благодаря широкому размаху раскопочных работ в Ташкенте, взявших бурный старт со времени ликвидации

последствий землетрясения 1966 г., стало возможным восполнить первые страницы его летописи. И они оказались содержательными. Мы узнали о возрасте, о культуре первых поселенцев, принесших в плодородную долину Чирчика свой опыт градостроительства, после того, как в результате усыхания древних дельтовых русел Сырдарьи они были вынуждены покинуть метрополию в поисках новых мест расселения.

Письменные источники сохранили древнейшее название города - Чач, которое приложимо и к оазису в целом. Оно известно с III в.н.э., хотя, видимо, существовало и ранее. Арабы передавали его как Шаш со столицей Мадинат-аш-Шаш. С IX в. известно его название Бинкет, которое затем сменилось современным, зафиксированным в начале XI в. учеными Махмудом Кашгарским и Беруни. В это время город переживал один из периодов своего расцвета, входил в состав саманидского, а затем караханидского государств. Укрепив свою позицию крупного центра на Великом шелковом пути, Ташкент стал, в полном смысле слова, северными воротами Мавераннахра. Многочисленные ремесленники, чьи жилища и мастерские располагались главным образом в двух укрепленных стенами пригородах-рабадах, производили массу товаров. Часть из них уходила в пограничную степь, другая часть с многочисленными караванами купцов вывозилась в отдаленные страны, в том числе арабский мир и Китай. Согласно письменным источникам IX-XI вв., всемирную славу заслужили изделия металлистов и оружейников Шаша, шерстяные ткани и коврики. Керамическая же посуда Шаша, по отзывам современников, «не имела себе равной».

Важное место в истории занимал Ташкент при Темуре и Темуридах, став пограничным форпостом державы. В XVI в. он сделался столицей северной ветви династии Шейбанидов и сохранил значение торгового города. Его обширный базар в это время располагался на площади Регистан, т.е. на месте торжища X-XI вв., где и в настоящее время находится центральный рынок Чорсу.

Этот период один из важнейших периодов в истории Ташкента, также потому, что среднеазиатские ханства в это время начали активные дипломатические действия с соседями, ища новых политических контактов, и Ташкент сыграл в этом заметную роль.

В эпоху Темуридов и Шейбанидов Ташкент – также был крупнейшим культурным центром. От XV-XVI вв. сохранились его основные памятники средневекового зодчества. Вокруг гробницы шейха Хавенди Тахура сложился мемориальный комплекс, включавший мавзолей Калдыргач-бия (первая половина XV в.) и Юнус-хана (конец XV в.). Это также здания XVI в. – медресе Кукельдаш, Баракхана, мавзолей Мухаммада Каффаль Шаши, представляющие самостоятельную ташкентскую архитектурную школу.

Письменные источники донесли до нас имена крупных средневековых ученых, богословов, мыслителей, поэтов, связанных своим происхождением или деятельностью с Ташкентом. Выходцем из него был Мухаммад Каффаль Шаши, прославившийся в X в. как законовед, теолог, поэт. Он вел активную деятельность по укреплению позиций ислама в областях, граничащих с кочевниками. В том же веке жил и проповедовал Ходжа Аламбардор. Оба они похоронены в Ташкенте. С Шашем связана деятельность одного святого шейха Ай-ходжи, по прозвищу Занги-Ата, одного из учеников главы суфийского ордена Ахмада Яссави. Гробница Занги-Ата, выстроенная в XIV в., находится под Ташкентом и почитается как одна из главных святынь. В Ташкенте жили и похоронены шейх Хавенди Тахур (XIV в., именем которого назван один из районов города) и крупный религиозный деятель XV в. Ходжа Ахрар. Здесь также жили и творили Бадриддин Чачи (Шаши), известный поэт конца XIII - XIV вв., имя которого известно вплоть до Индии, а в XVI в. – Хафиз Кухаки и Зайниддин Васифи, прославивший Ташкент в своей оде: «Кто бы ни увидел этот город, тот не захочет его покинуть, он перестает мечтать о благах рая».

Оставаясь в веках прежде всего городом ремесленников и купцов, осуществлявших широкие международные связи Шаша, Ташкент отличался свободолобием и стремлением к независимости, за которое подчас платил дорогой ценой. На плодородный оазис и богатый город посягали многие феодальные владыки, Ташкент и ташкентцы не раз восставали против гнета.

В XVIII в., противостоя междоусобным и династийным войнам, Ташкент создал независимую республику в составе четырех даха – частей, на которые делился город Бешагач, Шейхантаур, Себзар, Кукча. Республика четырех хакимов, управляв-

шими этими даха - это уникальный в истории Востока политический феномен. Она сменилась Ташкентским государством во главе с хакимом Юнусом Ходжой, которое вело активную внешнюю политику и имело свою армию. Захваченное в начале XIX в. кокандским ханом государство потеряло свою независимость, но город не раз восставал против власти Коканда. Он также героически сопротивлялся отряду русских войск в 1865 г., когда Россия начала свою экспансию против среднеазиатских ханств. После захвата Российской империей Туркестана Ташкент постоянно в центре антиколониальной борьбы, ярким примером чего является восстание 1916 г., которое стало символом национально-освободительного движения против колониального гнета.

Предлагаемая читателю работа написана в виде очерков, что объясняется, с одной стороны, неравномерностью наличия источников, освещающих тот или иной период истории города, восстанавливать которую приходится по крохам: данные археологии, изучение нумизматики, топонимики, письменные сведения, этнография. Вместе с тем, ограничив повествование в основном эпохой древности и средневековья, авторы хотели бы привлечь внимание широкого круга читателей к этим глубинным периодам, когда Ташкент наравне с Бухарой, Самаркандом, Термезом, Ургенчем входил в золотой венец городов Туркестана и Мавэранныхра.

Авторы сочли уместным привести в заключение рассказ американского путешественника Юджина Скайлера о Ташкенте второй половины XIX в., именно потому, что он содержит массу глубоко традиционных подробностей повседневной жизни, ремесленных навыков горожан, интерполируя которые можно значительно обогатить представление о Ташкенте средневековым.

Авторы надеются, что работа рассчитанная на широкий круг интересующихся историей родного края, также обратит на себя внимание специалистов – историков, археологов, преподавателей вузов.

ОЧЕРК 1.

У ИСТОКОВ ГОРОДА

Ташкентский оазис — это часть широкой предгорной равнины, которая начинается от западных склонов Тянь-Шаня и полого спускается к Сырдарье. На востоке она ограждена тремя хребтами — Угамским, Пскемским и Чаткальским, разделенными ущельями, по которым несутся горные реки того же названия. Сливаясь, они образуют Чирчик, который течет по узкому каньону Чарвакской котловины, а ниже Газалкента уже с древности — по площади равнины, шириной местами более 20 км. Чирчикская долина на западе, подобно широкому амфитеатру, открывается навстречу горячему дыханию Кызылкумов. Часть этой поймы занята современным руслом Чирчика, а южная обводнена прорвавшейся в долину р. Ахангаран. Эта равнина, составляет крайнюю зону земледельческих оазисов Средней Азии, далее на север от Чирчикского бассейна расстилается бескрайняя степь с богатыми пастбищами.

Бассейн р. Чирчик — колыбель сложения одной из древнейших земледельческих и городских культур Средней Азии, на протяжении истории, в его пределах был рожден и перемещался столичный центр оазиса, который носит название Ташкент.

Ташкентский оазис во все времена изобильно снабжался водой. Исторически сложившаяся система каналов питала город, который никогда не испытывал недостатка в воде, что всегда подчеркивали авторы писавшие о Ташкенте, начиная от средневековья до XIX в. Несколько десятков тысяч лет назад, когда здесь появились предки современного человека, климат мало отличался от современного, с чередованием жаркого сухого лета и холодной зимы, когда выпадала основная масса годовой нормы осадков.

Предгорья и равнины были богаты растительностью и изобиловали дикими животными, на которых охотился первобытный

человек. Многие из них, такие как архар, джейран, кулан и благородный олень, считаются исчезнувшими в недавнее время, а такие виды как шерстистый носорог, пещерный медведь, лев исчезли очень давно, о них можно судить лишь по находкам костей на стоянках первобытного человека.

Первобытные общины охотников и собирателей, появившиеся здесь более ста тысяч лет назад, осваивали пещеры и горные навесы или оставляли открытые стоянки у берегов рек и бьющих из-под земли ключей. Они открыты и на территории современного г. Ташкента. По протокам Бозсу и Каракамыш археологи обнаружили каменные орудия труда, оставленные первобытными общинами. Среди кухонных остатков встречаются кости винторогого козла, быка, сибирского козла, на которых главным образом охотился человек¹. Эти животные считались священными и часто изображались в сценах магического содержания, начертанных на скалах и отдельных камнях. Их и сейчас еще можно увидеть в горах в окрестностях Ходжикента и Чарвакского водохранилища.

С давних времен на Приташкентской равнине постоянно селились первобытные люди. В Ташкенте, на берегу Бозсу, в местности Кушилиш, найдены кремневые орудия, довольно тонко обработанные – скребки, ножи, проколки, рубящие орудия охоты и труда. Среди костей обнаружены останки тура, быка, который, как считают специалисты, мог быть уже одомашненным².

Территория Ташкентского оазиса входит в ареал одомашнивания диких животных. Начиная с III тысячелетия до н.э. здесь селились первые скотоводы, которые научились изготавливать орудия труда и оружие из бронзы. В это время Ташкентский оазис входил в зону распространения культур степной бронзы Евразии. Как на самой территории Ташкента, так и в его округе, археологи изучили многочисленные могильники с грунтовыми могилами и с курганами, где погребенные сопровождались инвентарем в виде бронзовых орудий, оружия, украшений и выделанной ручным способом посудой. В Ташкенте такие могильники открыты в районе завода шампанских вин, на протоке Каракамыш, в местности Серкали - стоянка степных скотоводов и коневодов. Здесь среди орудий труда найдены серебряные витые браслеты с головками змей на концах³.

Около 3 тыс. лет назад в Ташкентском оазисе появились первые земледельцы, которые также занимались отгонным скотоводством. Равнины, адыры и предгорья создавали идеальные условия для развития такого комплексного хозяйства. Естественная расчлененная гидросеть оазиса, в центре которой сейчас находится Ташкент, создавала удобную базу для развития земледелия, основанного на искусственном орошении. Земледельцы преобразовывали естественные протоки в каналы. Первые оседлые жители равнины с их пока еще примитивными методами искусственного орошения разрабатывали под посевы заболоченные участки поймы реки и использовали паводковые воды, задерживая их невысокими валами. Этот примитивный способ орошения называется лиманным. Естественно, что первые племенные группы земледельцев – это вчерашние скотоводы, которые оседали на земле, прежде всего в прибрежных районах. Самой ранней зоной оседания были берега р. Ахангаран с саевыми протоками.

В IX-VII вв. до н.э. на месте современного Туябугузского водохранилища была густая сеть поселков ранних земледельцев. Впервые их материальная культура открыта на сае Бургулюк и названа бургулюкской. Эти примитивные поселки включали жилища полуземляночного типа с каркасными стенами и легким перекрытием. Центральное поселение даже было окружено стеной. В каждой землянке, снабженной очагом и ямами для запасов зерна, проживала одна семья. Жители поселков пользовались глиняной круглодонной посудой, которую выделывали вручную на матерчатом шаблоне, т. е. облепляли глиной мешок с песком, а после высушивания песок высыпали и сосуд обжигали, распищивали, поэтому на донцах таких сосудов видны отпечатки ткани. Зерно размалывали на каменных зернотерках. Жители бургулюкских поселков были прекрасными металлургами. В каменных формах они отливали ножи, серпы, наконечники стрел и другие изделия.

Население поселков разрасталось, чему благоприятствовало производящее хозяйство. Группы людей отправлялись с насиженных мест в поисках новых подходящих территорий. Постепенно была освоена часть долины р. Чирчик по течению протоков Каракульдук и Джун, а на юге присырдарьинский район. Около 2,5 тыс. лет тому назад такое поселение возникло и на территории будущего Ташкента. Руины этого поселка изу-

чены археологами в нижнем горизонте городища Шаштепа по ул. Чаштепинской. Обитатели поселения Шаштепа обосновались у протока Джун, водная поверхность которого была почти на уровне берегов, что позволяло без особого труда отводить воду на поля. Эти первые земледельцы на территории Ташкента также жили в полуземлянках. Они сеяли ячмень и мягкие сорта пшеницы, обрабатывая землю каменными мотыгами, а урожай собирали бронзовыми серпами. Зерно хранилось в зерновых ямах, обмазанных глиной, и перерабатывалось в муку с помощью каменных зернотерок. Жители шаштепинского поселка разводили в основном мелкий рогатый скот – овец и коз, которых на лето отгоняли на горные пастбища. При домах разводили свиней. В хозяйстве использовали также лошадей, ослов и верблюдов.

Жители поселка, кроме бронзы, освоили железо, производя из него орудия труда. Широко было развито ткачество. Выбатывались тонко- и грубошерстные ткани из шерсти и волокон кунжута. Прямых сведений об использовании в это время хлопка нет. Наиболее раннее его применение известно со времени не ранее тысячи лет назад.

Бургулюкцы поклонялись силам природы и плодородия. Это общество находилось на стадии патриархально-общинных отношений, поселок соответствовал одной общине. О таких отношениях сообщают нам ранние части Авесты – священной книги зороастрийцев.

Если об архаических этапах истории Ташкентского оазиса мы знаем только по раскопкам археологов, то для воссоздания истории этого региона, начиная с VI в. до н. э., можно привлечь данные письменных источников. Это, прежде всего сообщения греческих и римских авторов, которые повествуют о племенах и народах, обитавших далеко за восточными пределами средиземноморского мира. Некоторые сведения можно почерпнуть из надписей, оставленных царями Ирана из династии Ахеменидов, а также из Авесты. Из них мы узнаем древнее название р. Сырдарьи – Яксарт. В более позднее время по ранним китайским хроникам Сырдарья называется Йоша или Жемчужная река.

Античные источники относят бассейн Сырдарьи к району расселения племен саков, которые были частью большого мас-

сива племен скифов Евразии. «Саки – они же скифы» – подчеркивал «отец истории» грек Геродот в V в. до н.э.⁴. «За Согдианой (долина Зарафшана и левый берег Сырдарьи) обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелу наудачу» – добавляет Дионисий Периегит⁵. О саках за Яксартом сообщают также Страбон⁶ и Плиний⁷. Древнеперсидские надписи упоминают несколько групп саков, из которых за Сырдарьей обычно помещают «саков тиграхауда (острошапочных)», или «саков хаомаварга», т.е. готовящих для ритуальных церемоний опьяняющий напиток хаому. В священная книга Авесте заяксартские саки названы «могучими турами». С какими-то группами этих саков столкнулся Александр Македонский, когда в 329 г. до н.э. вышел к берегу Яксарта в районе современного г. Ходжента.

Древние авторы указывают на р. Яксарт как на рубеж, отделявший согдийцев на юге от саков на севере, но подчеркивают, что, в отличие от согдийцев – оседлых земледельцев и горожан, саки вели кочевой образ жизни. Следует заметить, что археология внесла в это представление существенные поправки, так как бургулюкские поселения принадлежали оседлым земледельцам. Бургулюкцев как первых оседлых жителей на территории Ташкента, без сомнения, можно отнести к какой-то группировке заяксартских саков-скотоводов, осевших на землю и перешедших к земледелию. Прочная оседлость жителей, стационарные поселки – обычно начало перехода к городу. Но бургулюкскому поселку на территории будущего Ташкента не суждено было перерасти в город, что можно сказать и о поселениях в долине р. Ахангаран. Жители покинули их, и они превратились в руины не позже III в. до н. э. Этот факт, зафиксированный археологическими раскопками, соотносится с письменными источниками, свидетельствующими о том, что примерно в это время начались мощные передвижения народов в евразийских степях, которые привели к вторжениям новых племен в оазисы Средней Азии, на северный Кавказ и Причерноморье.

Ташкентский оазис не избежал этих вторжений. Руины бургулюкского поселка на Шаштепа были превращены пришельцами в некрополь. Пришлые группы кочевников – выходцы из сарматских союзов племен, обитавших до этого в южном При-

уралье и в восточном Приаралье. При исследовании погребений Шаштепа, археологи находили предметы, которые помещались в могилу как погребальный инвентарь: зеркала, пряжки, украшения, являющиеся точными копиями находок в районе Приуралья.

На основании к письменных источников, мы можем считать, что в Ташкентский оазис продвинулась вверх по Сырдарье группа племен, входившая в один из могущественнейших союзов древности – конфедерацию дахов. Некоторые племена этой конфедерации обитали в низовьях Сырдарьи и там, под влиянием развитой цивилизации Древнего Хорезма, в IV-II вв. до н. э. они создали цивилизацию, которая знала города. Примеры их обнаружены на древнем русле Сырдарьи в Каракалпакии.

Ранняя волна кочевников, пришедшая в Ташкентский оазис, положила конец поселениям бургулюкцев. Она же прокатилась дальше на юг до среднего течения Амударьи, где найдены могильники с аналогичным инвентарем. Одно из племен мигрантов почитало в качестве священного животного верблюда. Пряжки с лежащим верблюдом, сопровождавшие покойных в курганах, найдены по всему пути следования этих племен на юг. Пройдя через Ташкентский оазис в III в. до н.э., эти племена открыли движение степных племен, получившее название «великое переселение народов».

Подлинными строителями городов здесь были выходцы из оазисов низовьев Сырдарьи. Они принесли с собой навыки строительства из сырцового кирпича и пахсы. Наиболее ранний город был построен в 80 км. от Сырдарьи, на ее правом берегу. Это – городище Канка. Городское поселение было основано также на территории современного Ташкента. Ко II в. до н. э. относится здание оригинальной крестообразной планировки, окруженное кольцевой стеной, сооруженное на остатках кладбища кочевников на Шаштепа³. Перед археологами открываются сырцовые стены, арки проходов, сводчатые комнаты, стены которых окрашены в красный цвет. Необычная планировка здания выдает в нем специальное назначение – храм огнепоклонников, который строился по принципу сочетания креста и круга – древнейших символов солнца.

Именно солнцу поклонялись кочевые и полуоседлые народы правобережья Сырдарьи и ему приносили в жертву коней. Смысл жертвы, по словам Геродота, в том, что быстреешему из

богов посвящается быстрейшее из животных. Солнцем клянется и Томирис, царица массагетов, отомстить завоевателю – ахеменидскому царю Киру. Изучая крестообразное здание Шаштепа, можно заключить, что, как кочевое население, так и обитатели первых городов Ташкентского оазиса были солнцепоклонниками.

С течением времени храмовое здание Шаштепа постепенно превращается в погребальное, где в центральной комнате захоронены черепа, а в смежных помещениях проводились культовые церемонии, связанные с обрядом погребения. Следовательно это были первые зачатки зороастрийской религии в Ташкентском оазисе, которая впоследствии завоюет здесь господствующие позиции.

Однако, несмотря на древность оседлой земледельческой и раннегородской культуры в Ташкентском оазисе, историю г. Ташкента можно проследить только с конца I в. до н. э. – времени, с которого сохранились письменные источники и древнее городище внутри современного города. Это – городище Минг-Урюк, расположенное на канале Салар, вблизи нынешнего Северного вокзала. Название происходит от большой рощи урюковых деревьев, существовавшей здесь в XIX в. На картах того времени видно, что городище занимало территорию около 35 га. В процессе строительства европейской части Ташкента оно постепенно исчезало. Городище интенсивно изучали археологи, что позволило составить представление об истории города и его материальной культуре. Город состоял из укрепленной цитадели с высоким замком и территории собственно города, окруженного крепостной стеной. Археологи пришли к выводу, что первые укрепления города построены в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э., т. е. город существовал уже 2 000 лет тому назад. Стены из сырцового кирпича достигали толщины до 9 м, к ним примыкали сводчатые помещения городской застройки. Небольшой участок этой древней городской стены и сейчас можно видеть с улицы Мовароуннахр. Это – своеобразный памятник, символизирующий древность Ташкента. Город быстро разрастался за пределами своей ранней стены, которая, в связи с этим, потеряла свое оборонное значение и, постепенно, превратилась в высокий фундамент для но-

вых построек. В VII - начале VIII вв. здесь было сооружено дворцовое здание правителя города.

Из первых письменных источников, повествующих о Ташкенте, можно назвать китайские хроники старшей династии Хань. Это – Ши-цзи, составленная на основе записок китайского посла Чжань Цзяня, который в 129 г. до н.э. прибыл в Бактрию к Большим Юэчжам после десятилетнего плена у хуннов⁹. После его доклада Китай открыл для себя страну, названную «Западный край». Ши-цзи упоминает государство Кангюй или Кандзюй, которое располагалось к западу от Ферганы (китайская Давань) и расширило свои границы до Аральского моря, захватывало часть Большой степи на правобережье Сырдарьи, а на юге граничило с государством Кушан (ныне южный Узбекистан и Таджикистан). Это государство упомянуто в Авесте под названием Кангха, «высокая и священная». Кангюй управлялся кочевнической династией, выходцами из рода канков. Поначалу это было малосильное владение, которое на востоке зависело от хуннов, а на юге - от юечжей. Можно считать доказанным, что ядром этого государства был Ташкентский оазис. Постепенно государство превратилось в могучий союз разноразличных племен, столицей которого стал называться город Битянь. Владелец имел также летнюю резиденцию, в чем усматривается традиция кочевания вождя со всем племенем и скотом с зимних пастбищ на летние и обратно. Называя Кангюй кочевым владением, китайские источники подчеркивают родство образа жизни кангюйцев с другим владением – Яньцай, народ которого «живет внутри глиняных стен»¹⁰. Владение Яньцай можно определить как область оседлой культуры в низовьях Сырдарьи, которая постепенно была завоевана Кангюем, как и лежавшая севернее область Янь (Приуралье).

На вершине своего могущества Кангюй успешно противостоял ханьскому Китаю в его притязаниях на Фергану. Независимая, по отношению к Китаю, позиция Кангюя стабилизировала политическое положение в северных районах Средней Азии, не дав распространиться сюда влиянию Китая. Китайские послы доносили императору, что Кангюй «могуч и дерзок», «китайских чиновников сажает ниже послов скотоводов». Кангюю подчинялись пять малых владений – Сусе, Фуму, Ги, Юегянь и Юни. Достоверно можно считать, что эти владения – суть оазисы земледельческой и городской культуры среднего пояса Средней Азии,

такие как Хорезм, Бухара, Самарканд, Кашкадарья. Владение же Юни располагалось в Ташкентском оазисе, центром его был одноименный город. Привлекая данные археологии можно сказать, что это один из городских пунктов, основанных в Ташкентском оазисе выходцами из низовьев Сырдарьи. Претендовать на его роль может громадное городище Канка, раскинувшееся на площади 150 га, в 8 км к северу от Сырдарьи. Исследователями высказано предположение, что это и есть древнее Юни¹¹. Вместе с тем следует подчеркнуть, что существовал также город Ши, о котором китайские источники говорят, что это – древнее Юни. Ши назван, кроме того, «наследником Кангюя». Из этого следует, что древнейший город Юни, который через какое-то время стал называться Ши, располагался на правом берегу реки Йоша и, возможно, был зимней столицей государства Кангюй. Затем столица Ташкентского оазиса перемещается на север, на территорию современного Ташкента, где с конца I в. до н.э. уже существовал город.

Факт обретения столичного статуса, очевидно, и выразился в расширении города, застройка которого перехлестнула через старую городскую стену Минг-Урюка. Одной из причин переноса столицы можно считать перемещение на север основных торговых дорог – ответвлений Великого Шелкового пути, которые проходили теперь из Семиречья по кромке Великой степи до Приаралья. Этот факт отражен также в разновременных китайских источниках. Наиболее ранние из них свидетельствуют, о том, что город Ши имел в округе 10 ли¹², а более поздние указывают только 3 ли. Очевидно, что речь идет о разных городах, из коих больший можно сопоставить с городищем Канка, а меньший, наследовавший ему, расположить на территории Ташкента. Иными словами, древний город на территории современного Ташкента фигурирует в китайских источниках под названием Ши. Известно, что это владение управлялось правителем, происходившим из родовой знати местного племени. Как следует из источников, сначала Ши входил в состав Кангюя, но после распада этого государства на мелкие владения, в III – начале IV в. н.э., когда Кангюй в последний раз упомянут в китайских хрониках, Ши превратился в самостоятельное небольшое государство, которое вскоре было завоевано эфталитами, создавшими громадную державу на территории Средней Азии.

Что можно сказать о названии города Ши? Употребленный в рукописях для его обозначения китайский иероглиф обозначает камень. Можно считать, что это слово передает местный термин – само название местности и города, которое звучит как Чач. Можно предполагать, что это название появилось не ранее III в. до н.э. и было принесено вместе с пришедшими племенами из низовьев Сырдарьи. Некоторые исследователи выводят термин Чач из названия оз. Чайчаства, упомянутого в Авесте. Не без основания с этим озером можно связывать современную территорию в Приаралье – Дарьялыктакыр, где во времена сложения Авесты существовал ряд озер и болот. Впервые же о названии Чач мы узнаем из победной надписи сасанидского царя Шапура I в Иране, начертанной в 262 г. н.э. на Каабе Зороастра (на скале около большого зороастрийского святилища). Горы Чача там названы «крайним пределом Сасанидов на востоке».¹³

Передача названия Чач китайцами как «Ши» (камень), отразилось и в современном тюркском названии Ташкента «каменный город». Ясно, что название не имеет прямого смысла, ибо город никогда не был каменным. Вполне возможно, что этот эпитет идет от какого-то качества, характеризующего город. В более поздних средневековых исторических сочинениях почти все города Средней Азии награждались каким-либо эпитетом. Так, Термез известен как «город мужей» (имеются в виду ученые, происходившие из этого города, в частности, Хакими-ат-Термези), Самарканд, ввиду его благодатного климата, назывался «расподобным». Одним из объяснений эпитета «каменный» для Ташкента может быть то, которое исходит от мужества и стойкости жителей при защите от иноземных захватчиков, что вполне правдоподобно, поскольку город располагался на границе оазиса и кочевой степи и постоянно, на протяжении столетий, был объектом нападений. Через него прошли многие степные племена, он пережил нашествия хуннов, арабов, монголов, калмаков. В названии города может быть также намек на то, что Ташкент возник в стране тех самых «могучих туров» Авесты.

ОЧЕРК 2.

СТОЛИЦА ЧАЧА.

(V-VIII вв. н.э.)

С VI в. н.э. начинается бурный период столкновений и разорительной борьбы в присырдарьинских регионах, в центре которой оказался Чач. Это было вызвано появлением на исторической арене новых политических сил. В 550 г. в результате консолидации степных племен создается огромное объединение – Тюркский каганат, занимавший территорию от Монголии до Алтая, который начинает расширяться в западном направлении. В 555 г. брат кагана Истеми предпринял большой поход на запад.

Первым был завоеван Чач. Согласно надписям тюркских каганов тоньюкука и Кюль Тегина, на Сырдарье существовал Кенгу-Тарбан, который стал границей расселения тюркского народа на западе. Исследователи видят в этом пункте название Отрара, одного из городов на Сырдарье, который назывался также Турарбанд, а «Кенгу» - это намек на кангюйское наследие¹⁴.

Отряды завоевателей достигли Западного моря (Арал), а на юге вышли к границам сасанидского Ирана. Эфталитское государство несло большие потери на севере от войск тюркского кагана, а на юге ему угрожал Иран. Общие интересы борьбы с эфталитами привели к временному союзу Тюркского каганата с сасанидским царем Хосровом I Ануширваном. В 60-х годах VI в. эфталиты были разгромлены этой коалицией.

Р. Амударья стала границей между землями, отошедшими к сасанидскому Ирану, и территорией, контролируемой каганатом. Во власти кагана Синджабгу оказался Чач, весь район Парака (Чирчика), Фергана, Самарканд, Кеш и Нахшеб. Это были тяжелые времена для Чача, так как сражения происходили на его территории. По сообщению автора «Шахнаме» во время одной из битв между тюрками и эфталитами берегу Сыр-

дарьи, «от кипения всадников в Чаче воды реки стали цвета розы».

Основные события разворачивались в южной части оазиса и далее на юге, где было разорено и сожжено большинство городов и селений. Фирдоуси пишет, что в Чаче, Самарканде и Согде «много мест было разорено и стало обиталищем сов». Однако этого нельзя сказать о северных районах оазиса Чач, т.е. бассейне среднего Чирчика. Территория нынешнего Ташкента, наоборот, интенсивно осваивалась. Именно в это время город на Минг-Урюке приобрел значение столицы Чача. Экономическому подъему города способствовала интенсивная разработка рудников цветных и благородных металлов Чаткало-Кураминских гор, где функционировал «серебряный рудник Чача», добывались также бирюза и железо. Перемещение на север основных караванных путей и фокуса международной торговли также благоприятствовало подъему Чача.

Чач вошел в состав удела сына Истеми-хана Кара-Чурин-турка (он же Тартуш-хан или Бияга), одного из самых сильных владетелей в Западнотюркском каганате. Поначалу Чач управлялся поначалу правителями из местной династии, которые чеканили свою монету. Следует отметить, что начало монетного чекана в Чаче можно отнести к концу III – началу IV в. н.э., когда на монетах воспроизводился портрет правителя и легенда согдийской письменностью и на согдийском языке. Чач являлся как бы посредником в передаче согдийской письменности из ареала ее сложения, т.е. Согдианы (Самарканд, Бухара, Кеш), далее на восток в Семиречье и Восточный Туркестан, где самые ранние образцы согдийского письма датируются началом IV в. н.э. и проникают туда вместе с согдийскими купцами и колонистами¹⁵. В начале VII в. (605 г.) при Шегуй-хане чачцы восстали против центрального правительства. После подавления восстания сюда был направлен тюркский наместник, носивший титул «тудун». Основная его функция заключалась в надзоре за сбором налогов в пользу каганата. Первым тудуном был назначен Дэлз.¹⁶

Буддийский паломник Сюань Цзан, проезжая в 630 г. через Чач, повествовал, что страна Че (Чач) на северо-востоке соприкасалась с западными тюрками и управлялась царями, которые носили династийное имя Че. На юго-западе этой страны протекает река

Йоша (Яксарт, Сырдарья), которая называется также рекой Че. На юго-востоке расположены большие горы, «которые производят бирюзу». В стране много прекрасных лошадей. По свидетельствам китайских источников, жители Чача очень воинственны, искусны в боях и свободолюбивы. В подтверждение этого сообщается о восстании их против тюрков.

Попытка освободиться от власти тюрков объясняется, видимо, не только свободолюбием чачцев, но и известным ослаблением каганата, чем Чач и хотел воспользоваться. Тюркский каганат, проиграв войну с Китаем и ведя длительную борьбу с сасанидским Ираном за среднеазиатские области, подорвал собственные силы. Этому способствовали и происходившие на грани VI-VII вв. распри и династические убоицы, в результате которых в начале VII в. каганат распался на два государства.

Временный кризис, однако, был преодолен и западнотюркский каганат, куда вошел Чач и другие среднеазиатские области, упрочил свое политическое положение, а Шегуй-хан, удельный владетель Чача, стал во главе этого каганата, что способствовало возвышению Чача. В период господства западнотюркского каганата центральное правительство стало активнее вмешиваться в систему административного управления среднеазиатских владений. Этой политике особенно следовал Тунджабгу-хан (618-630 гг.), занявший престол после Шегуя. Ставка его располагалась к северу от оазиса Чача. Здесь, в центре обширных владений, он принимал посольства от восточного (китайского) и западного (византийского) императоров. С Византией западный каганат установил союзнические отношения против общего врага – сасанидского Ирана.

Конфликт с Ираном разразился из-за препятствий, чинимых его правительством движению караванов по Великому Шелковому пути, конечным пунктом которого была Византия. Большую роль в торговле шелком на протяжении этого пути играли, как известно, среднеазиатские, в основном, согдийские, бухарские, чачские купцы-посредники. Однако торговля была не чужда и тюркам, познавшим вскоре, какие выгоды приносит контроль за обменом по этому древнему пути. Основной караванный путь лежал по северную сторону Тянь-Шаня и первым перевалочным пунктом были города Гаочан и Турфан, затем он шел в Чач; вторым перевалочным пунктом был Кан (Самарканд), следующим Бухара.

Если тюркский каганат контролировал начальные отрезки международного пути и караваны, проходящие через степь, давали в ханскую казну большие прибыли в виде золота и шелка, то конечный отрезок был под контролем Ирана.

При Тунджабгу была предпринята попытка внутреннего упорядочения с целью централизовать государство, в частности, была объявлена реформа, согласно которой местные среднеазиатские правители превращались в наместников кагана и им жаловался соответствующий титул. Однако есть все основания считать, что провести намеченные мероприятия в жизнь до конца не удалось.

После гибели Тунджабгу (630 г.) положение в западнотюркском каганате опять стало неустойчивым. Бесконечные смуты и распри среди тюркской знати пагубно отразились на подчиненных областях, в частности в Чаче, на них участились грабительские набеги. Чач в числе других областей, связанных с прохождением караванного пути и стремившихся к мирному сосуществованию, по видимому, пытался противостоять распрям и временно добился известной самостоятельности. Во всяком случае источники считают нужным подчеркнуть, что новому хану Багатуру, воцарившемуся в 640 г., после наведения относительного порядка в государстве, пришлось вновь подчинять ряд княжеств, в том числе Чач.

Положение Чача, как пограничной области, делало это владение одним из активных участников в борьбе тюрков с Китаем. Используя внутреннее ослабление Западнотюркского каганата, Китай активизировал свою экспансию на западе с целью отвоевать владения каганов. Как приходилось лавировать в этой обстановке северо-западным среднеазиатским княжествам, показывают события 658 г. в Чаче. Основные сражения тюрков с китайцами разворачивались в Семиречье. Войско кагана Ишбара-хана было разбито севернее Или, а сам хан бежал в район Таласа, затем дальше на юг чтобы найти убежище у правителя Чача, полагаясь на его верность. Однако, владетель Чача, наделенный титулом «тархан», выдал беглецов китайцам.

Среднеазиатские княжества отпали от тюрков. Часть владений (Восточный Туркестан) аннексировал Китай. Чач был в числе областей, которые вновь получили самостоятельность и

управлялись местными владельцами. Несмотря на кажущиеся военные успехи Китая, его власть в западном крае была чисто номинальной и кратковременной. Восстания тюркских племен, новая изнурительная война с Тибетом на восточных границах, а также отпор, который оказали среднеазиатские владения, вскоре заставили Китай отказаться от экспансии на западе.

Правители Чача и других среднеазиатских областей иногда посылали в Китай подарки – экзотические продукты своей земли и лошадей. И впоследствии, после образования каганата тюркешей и воссоздания Восточного тюркского каганата в VIII в. Чач, ради сохранения самостоятельности, предпочитал оказание номинального «почтения» Китаю реальной зависимости от кагана.

Особенно благоприятным для Чача было правление Мохэ-дудуна (Бахадур-тудуна) в 713-739 гг., - дальновидного и удачливого политика. В 714 г. он предложил военную помощь китайцам и вместе с правителями других западных областей атаковал кагана у города Токмака. Каган был разбит, бежал, а затем был схвачен и заточен. За оказание этой услуги Мохэ-дудун получил титул царя Чача.

Период вхождения Чача в состав тюркского каганата отмечен существенными изменениями во внутреннем положении и этническом составе засырдарьинских областей. В частности, в Чач проникли большие группы кочевого тюркского населения. Под влиянием местного хозяйственного уклада многие из них перешли к оседлости, тюркское население появилось в городах. Городское ремесло во многом обогатилось за счет навыков и технических достижений ремесленного производства бывших кочевников, продвинулось вперед оружейное и военное дело.

В VII-VIII вв. состав населения Чача был смешанным. Верхушку общества составляла согдийская знать, смешанная с тюркской. Видимо, и правящая династия в Чаче постепенно приобретает смешанный характер. Это хорошо видно на примере монет, чеканящихся правителями, где обычно проставлялось имя и титул. Сейчас в распоряжении исследователей имеется большое количество монет, собранных в Ташкенте, и можно говорить о рождении новой отрасли нумизматики – нумизматики Чача. Характерным примером смешения титулов можно назвать одну медную монету с квадратным отверстием в

центре, найденную недавно. На ней читается согдийская надпись «Тюркеш чачанисский правитель». Титул правителя проставлен в двух вариантах: тюркском – «каган» и согдийском – «мрау». Предполагается, что Тюркеш – это родовое тронное имя основателя государства тюркешей, монеты же его выпускались в Чаче¹⁷.

По немногочисленным письменным источникам, из коих наиболее ценные сведения содержатся в документах, так называемого Мугского архива (корзина с документами найденная на горе Муг), возможно представить социально-экономическое устройство общества VI-VIII вв. Как и в соседних областях, общество делилось на три главных слоя: знать, купцов и работников. Основная масса населения – крестьяне-земледельцы, называвшиеся кедиверами. Их поселения сосредотачивались вокруг столичного города. Господствующий класс – азаты (свободные) состоял из дихкан. Независимо от того, были ли это крупный правитель области, правитель селения или землевладелец, обладавший одним или несколькими селениями, они все равно именовались дихканами¹⁸, относились к знати, имели право на внешние знаки отличия – особую одежду, золотые пояса с кинжалами. Для обозначения владельцев имений в ходу был патриархальный термин – кедхуда (правитель селения). Первым среди равных считался дихкан – правитель области в Чаче, который имел резиденцию в городе Чаче (Ши). К этому слою общества относился и тюркский наместник тудун, реже именовавшийся тарханом. При правителе был штат администрации, осуществлявший управление владением и ведавший сбором налогов. Письменные документы доносят до нас название должности одного из чиновников – дапирпат (глава канцелярии). Дихканы набирали себе военную гвардию чакиров. Могущество дихкан зависело от размеров этих отрядов. Источники в описании чакиров не скупятся на эпитеты, характеризуя их смелыми и отважными, свирепыми и преданными, готовыми идти на смерть. Набирались эти воины-профессионалы из свободных, предпочтительно тюрков. Это подчеркивают источники описывающие события VIII – начала IX вв., сообщая о правителе Чача и его тюрках. Дружины дихкан-вассалов правителя, вместе с его собственной гвардией, составляли ядро войска раннесредневекового Чача.

Кроме дихкан, которые имели свои замки в городе, здесь проживало купеческое сословие, разбогатевшее на торговле шелком и золотом, которое по образу жизни приближалось к дихканам. Купцы были наиболее подвижной и активной частью общества. С огромными караванами они отваживались на очень далекие путешествия и вместе с выходцами из Самарканда и Бухары занимались торговлей шелком, и часто основывали новые колонии и города вдоль торговых путей, ведущих в глубь Центральной Азии и в Китай. Вместе с их караванами шли ремесленники, а также художники, проповедники среднеазиатских религий, которые селились в этих колониях и среди кочевников степей.

О широком участии чачцев в торговле и организации колоний свидетельствует, например, перепись населения области Дунь Хуана (в Кашгаре) VIII в. В составе его населения выходцы из Чача стояли на третьем месте после Самарканда и Бухары.

Накануне арабского завоевания Чач сохранялся как самостоятельное владение перед лицом двух претендовавших на него государств – Тюркского каганата и имперского Китая. Однако отсутствие единства мелких среднеазиатских владений затрудняло сопротивление новым завоевателям, которые к началу VIII в. уже осуществили ряд походов в Бухару, Самарканд и стояли у границ Чача. Когда в 712 г. арабский полководец Кутейба ибн Муслим осадил Самарканд, жители, успешно сопротивляясь, разослали послов с просьбой о помощи. Самаркандский правитель обратился к ишхиду Ферганы, тудуну Чача, кагану тюрков и китайскому императору. Перед лицом общей опасности создалась коалиция этих владений и только Китай отказался помочь. По словам арабского историка Табари, на помощь осажденному Самарканду был отправлен отряд сыновей дихкан Чача под началом сына тюркского правителя Инелькагана. Отряд попал в засаду и был истреблен, не дойдя до Самарканда, и арабы взяли город. Так был уничтожен цвет дихканского рыцарства Чача, но антиарабская коалиция в последующее время оставалась основной ударной силой в сопротивлении завоевателям, и Чач был в составе самых стойких и сильных ее участников.

До нас дошел любопытный документ об участии Чача в событиях, связанных с арабским завоеванием. Это – сохранившееся в мугском архиве донесение посла отправленного Деваш-

тичем, правителем Пенджикента (одно из мелких владений Согда в верховьях Зарафшана), правителю Чача. Обмен послами был обычной формой действий коалиции. Фатуфарн (имя посла) доносит своему господину Деваштичу: «И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю. И, господин, я и письмо вручил и то, что следовало устно передать я полностью, ничего не упуская, изложил и тудуну и «помощнику». И, господин, письмо кагану и письмо ферганскому царю я через ферганского тутуха (должностное лицо) ферганскому царю переслал. И, господин, я потому дальше не могу пойти, ибо господин кагана по слухам совсем нельзя увидеть. И, господин, от тудуна и от помощника я получил письмо и ответы..., а уструшанская область вся сдана (Уструшана располагалась между Согдом и Чачем). И, господин, я одинешенек без спутников и не осмеливаюсь я идти дальше. И, господин, поэтому я вернулся снова в Чач. И, господин, из-за этого тебя я страшно боюсь... И, господин, тудун с Тарбандом заключил соглашение. И, господин, все земли он там получил. И, господин, по слухам помощник очень опечален перемирием и также он боится тебя из-за того, что он не прибыл к тебе¹⁹». Письмо является ярким образцом дипломатического донесения более чем тысячелетней давности, кроме того, в нем содержится яркая драматическая картина событий арабского завоевания, разворачивающихся вокруг Чача. Это было время разгара боевых действий арабов против коалиции в 719-720 гг. Перед этим в 713 г. войска Кутейбы совершили разрушительный поход в Чач, когда по словам Табари «все селения Чача были сожжены». Но, как видно из донесения, Чач устоял. Хотя арабами была занята Уструшана и путь обратно в Согд был отрезан, правитель Чача Мо-хэду-тудун (Бахадур-тудун) заключил с арабами перемирие и, спасая войско, отступил.

Последовал еще один поход, но Чач не признал власти арабов. В этот смутный период Китай, не оказавший помощи коалиции, пытался восстановить свою власть над Чачем. Китайские войска вмешались в 749 г. в конфликт Чача и Ферганы, поддержав Фергану. Китайский военачальник Гао Сянь-чжи арестовал владетеля Чача и отослал в Китай, где тот был казнен. Всем было ясно, что причиной этой жестокости стала алчность военачальника, захватившего богатство казненого. Сын убитого правителя Чача бежал к арабам и привел отряд под ко-

мандованием Абу Муслима Зияда ибн Салиха, к которому присоединились местные племена. Эта армия арабов, чачцев и согдийцев встретила на берегу р. Талас в 751 г. с китайской армией, которую поддерживали ферганцы и кашгарцы. Китайские войска были разбиты наголову. Эта была историческая битва, которая решила судьбу Чача, избавив его от притязаний Китая. В то же время Чач не подчинялся халифату. Сюда, в пограничную с кочевой степью область, стекались все недовольные властью халифата участники восстаний, особенно, так называемые «люди в белых одеждах». В этой же области, с одной стороны, находили приют гази – борцы за веру, с другой – все недовольные внедрением чуждой мусульманской религии.

Против непокорных местных правителей арабы организовали серию карательных походов, но власть халифата с большим трудом утверждалась в Чаче.

Письменные источники очень мало говорят об устройстве и характере городов Чача и его столицы, в большой степени эти сведения дополняет археология. В Ташкентском микрооазисе, т.е. на территории современного Ташкента, в эпоху раннего средневековья сформировался целый узел из 4 городов и до 20 замков и селений. Центральное место среди них занимала столица – Мадинат-аш-Шаш. Так арабские источники именуют этот город, руины которого изучены на городище Минг-Урюк. Название Чач передано в форме «Шаш» из-за отсутствия буквы «Ч» в арабском алфавите. В предарабское время здесь во всей области шло бурное градостроительство, что дало право именовать область Чача «страной тысячи городов». Своеобразным отзвуком этого бурного строительства воспринимается опозитизированная в «Шахнаме» деятельность легендарного героя Сиявуша, возведшего в Туране сначала Канг, а затем Сиявуш-город. Многие названия в самом Ташкенте и предания, связанные с его древностью заставляют вспомнить легендарных персонажей «Шахнаме». Так, городище Минг-Урюк именуется местом пребывания Афросиаба, царя, от имени которого и строил свои города Сиявуш. Обычно это города, окруженные одним или двумя рядами высоких стен, попасть в которые можно было только через охраняемые ворота:

*Вкруг города стала громада стены...
На этой стене даже горстка мужей
Защитой бы стала твердыне своей...
Проникнув за стену, увидишь ты град,
Где взоры чарует то замок, то сад;
Роскошные бани, журчание вод...
Вокруг дивных дворцов зеленели сады...
В Сиявуш-городе:
Высокий дворец в этом граде возник
Сад полный прохлады и пестрый цветник
И ростись везде на стенах галерей:
Сраженья, охоты, забавы царей.*

В VII-VIII вв. Минг-Урюк достиг максимального расцвета. Археологами установлено, что город значительно разросся и был обнесен крепостной стеной. Он включал крепость-цитадель и собственно город – шахристан. Цитадель, обнесенная стеной из плотной пахсы и сырцового кирпича, обладала прямоугольными башнями ступенчатой формы. Раскрыта их высота на 5-6 м, а раньше они были еще выше. Их мощь заставляет вспомнить мощь городов Сиявуша. Рядом с цитаделью выстроен высокий замок правителей с дворцом, который был возведен на участке заброшенной к этому времени старой городской стены. Вознесенный на ее гребень дворец господствовал над всем городом. Городская застройка Мадинат-аш-Шаш исчезла под современными зданиями Ташкента. Лишь местами удалось обнаружить и расчистить чудом сохранившиеся участки с остатками жилых домов или культурного слоя раннего города. Наиболее полно изучены остатки дворцового комплекса VII-VIII вв.

Подобно дворцу правителя других самостоятельных владений в Согде, Бактрии, как например дворец Бухар-Худатов, правителей Бухары, который включал большое число залов с богатым убранством, украшенных настенными росписями, скульптурой, резным деревом и штукатуркой, дворец правителей Чача был также пышно украшен. Он состоял из массы помещений, в том числе парадного зала и широких кулуаров, жилых комнат и хранилищ. В нем также расчищен культовый комплекс со святилищем огня. Судьба жестоко обошлась с этим со-

оружием. Пожар и поздние перестройки почти полностью уничтожили его убранство. Лишь незначительные следы указывают на то, что стены были украшены многоцветными сюжетными росписями, как и в Согде. Это были действительно «сражения, охота, забавы царей», а также изображения культовых церемоний и сюжеты народного эпоса.

В шахристане мадины Шаша открыты участки жилой застройки монументального типа и следы ремесленных производств, городские дома, которые, кроме жилых комнат, кухни и хранилищ, включали домашние святилища с алтарем огня. Ремесленники занимались первичной обработкой металла, а также изготовлением орудий труда, драгоценных изделий из металла, обработкой продуктов животноводства, поступающих из степи – кож, шерсти, изготавливали хлопчатобумажные и шерстяные ткани, керамическую и стеклянную посуду, ювелирные изделия из полудрагоценных камней.

Подобно городам Согда и его колониям, в которых «землепашцев и тех, кто соблюдает выгоду»²⁰, т.е. ремесленников и купцов было поровну, часть горожан занималась торговлей. Сама столица Чача была местом оживленных торговых сделок, о чем свидетельствуют найденные в Ташкенте предметы импорта и монеты, принадлежащие к чеканам разных государств и владений от Византии на западе до Китая на востоке. Найденны также и монеты Чача разных типов. На лицевой стороне выбивался портрет правителя, вначале одиночный, а в более позднее время парный с супругой или наследником. На оборотной стороне – династийный знак правителей Чача в виде трезубца, а также имя правителя согдийским письмом. С первой трети VIII в. портрет был заменен изображением кошачьего хищника с задранным хвостом, возможно, принадлежащим к тотемному знаку тюркского племени, из которого происходил тудун.

Характерной чертой развития столицы Чача VI-VIII вв. является сложение вокруг нее сельскохозяйственной округи, густонаселенной, обильно снабженной водой из многочисленных каналов. Окрестности города были заняты поселениями свободных общинников, замками и усадьбами дикхан, храмовыми хозяйствами, могилами, небольшими городками на торговых путях. На окраине микрооазиса, особенно обращен-

ной в сторону кочевой степи, стояли оборонительные пограничные крепости.

Почти вся округа мадины Шаша находится сейчас в черте современного Ташкента. Результаты ее археологического исследования дали массу материалов, всесторонне характеризующих жизнь города.

Городки округа членились по тому же образцу, что и столица, на цитадель и собственно город-шахристан. Хорошо сохранил свою структуру городок на Ханабадтепа. Выросший на торговом пути близ переправы через р. Чирчик этот город имел четкие квадратные очертания. Ворота располагались на главной оси, а цитадель сдвинута в угол. Ее строгий характер с монотонными рядами узких помещений по периметру и двором-плацем посередине свидетельствует о том, что она выполняла в первую очередь роль казармы большого гарнизона. Облик же материальной культуры собственно города, остатки производственных точек и значительное количество найденных там монет характеризуют его как торговый и ремесленный пункт на караванном пути.

Формирование феодальной иерархической структуры общества с выделением господствующего слоя знати - дикхан, отразилось на исторической топографии округа и городов. Характерным элементом округа столицы Чача стали хорошо укрепленные многоэтажные замки-кёшки, родовые гнезда дикхан-землевладельцев, под стенами которых вырастали поселения общинников и зависимого населения. Замки обычно стояли у головных частей каналов, их владельцы контролировали распределение воды. У некоторых из этих замков селились ремесленники, торговцы, так возникали небольшие городки.

Наиболее характерный пример крепости с обширным поселением дает в округе мадины Шаша - Актепа Юнусабадское, замок которого исследован почти полностью. Крепость включала обширный двор и основное ядро – кёшк в южной части, раскопки которого выявили уникальное по сохранности архитектурное сооружение из сырцового кирпича и пахсы, сложившееся на протяжении V-VIII вв. н.э. Въезд во двор цитадели осуществлялся через ворота в северо-западном участке стены, к которым вела наклонная терраса от единственного моста, переброшенного через ров. Здание основного ядра крепости

слагалось постепенно. В развитии выделяются три основных этапа. На первом это был квадрат 80х80 м, обнесенный по периметру двумя рядами глухих неосвещенных сводчатых галерей, с плоскими, видимо, площадками над ними, которые двумя уступами спускались с естественного лессового холма, составляющего основу здания. По углам верхнего яруса галереи располагались прямоугольные башни с купольными комнатами. Внутреннее пространство квадрата заполнено системой узким длинных помещений, крытых сводом, обращенных выходами в галереи верхнего яруса.

На втором этапе перестроек узкие помещения были наглухо забутованы глиной до верхней части свода и на образовавшемся монолитном основании возведены строения и башня-донжон, встроенная в угол первоначального квадрата.

Комплекс построек цитадели по своему назначению четко делился на три части: парадно-жилую, культовую, подсобно-хозяйственную, отражая три основные функции замка как административного, культового и фортификационного центра. Парадно-жилая часть, как и дворец в самой столице, была украшена росписями. Культовая часть включала храм культа предков и неугасимого огня со святилищем, где располагался алтарь. Монотонные ряды длинных помещений с суфами отличали подсобную часть комплекса. Все они двухэтажные, со световыми проемами в торцовых стенах. Обнаруженные при раскопках детали архитектурного декора – терракотовые зубцы, завитки и круги, украшавшие фасад крепости и парапет башни позволяют, привлекая параллель из монументальной настенной живописи того же времени, воссоздать облик мощной цитадели Актепа Юнусабадского²¹.

У подножия замка, в пространстве, огражденном стеной, раскопаны остатки дворцового здания с тремя залами, широкими коридорами. Интерьеры богато украшены резьбой по сырой глине, стены покрыты красной штукатуркой. Центральное помещение – тронный зал. В нем, напротив входа, на выступающей суфе-«эстраде» некогда был установлен трон под балдахином, поддерживаемый устоями. Ямки от устоев отчетливо видны на полу. Характер постройки не оставляет сомнений в его назначении – дворца приемов, а сама усадьба с замком и дворцом – ничто иное как загородная резиденция прави-

теля Чача. Среди руин дворца найдена терракотовая плитка с рельефным изображением бородатого лица с большими глазами и глубокой складкой на лбу, в котором виден портрет одного из чачских правителей. Поражает сходство с изображением лица на монетах Артачака, одного из правителей, имена которых известны.

Тип сторожевой пограничной крепости представляет в округе Чача городище Бузгонтэпа, выходившее на берег Чирчика, к северо-востоку от столицы. Поселение, возникшее здесь еще в первые века н.э., превратилось в мощное фортификационное сооружение с высокими и толстыми сырцовыми стенами, вмещавшее гарнизон.

О характере храмовых сооружений мадины Шаша позволяет судить комплекс, раскопанный на Актепа Чиланзарском, примерно в 7 км от столицы. Храмы Чача внешним обликом не отличались от замков. Они также хорошо укреплялись башнями с бойницами и мощными стенами. В V-VI вв. н.э. в храме-замке Актепа Чиланзарского возжигался священный огонь, а в VII-VIII вв. здание было перестроено и превращено в открытое сооружение на платформе высотой 9 м, окруженное стеной и нишами. Основой платформы послужило замурованное здание первоначального замка. Описание подобных храмов приведено в источниках V и VII вв. н.э. Согласно им, рядом со столицей Чача располагалось здание с престолом, на который по определенным праздничным дням (в 6-е число первой луны и 15-е число седьмой луны) выставлялась золотая урна с прахом предков правителя, во время церемонии поклонения вокруг нее разбрасывались цветы и плоды. Праздник заканчивался жертвоприношением животных и совместной трапезой, в которой главное участие принимал правитель с супругой и вельможи²². Источник доносит, таким образом, описание культа предков, которому, видимо, и был посвящен храмовый комплекс Актепа Чиланзарского.

Существовали также храмы в комплексе цитадельных построек, дворца и домашние святилища в жилищах горожан. Это были одно-или двухкомнатные сооружения с постаментом посередине – алтарем неугасимого огня, а вдоль стен располагались суфы для участников церемонии. В случае двухчастного построения храма, второе помещение могло быть большего размера, но также с суфами вдоль стен. Оно служило местом

торжественных собраний большого числа участников. Сюда выносили переносную курильницу с огнем. Подобный принцип святилищ и сейчас характерен для храмов огнепоклонников – зороастрийцев Ирана и Индии²³.

Расцвет столицы Чача в это время означал не только развитие ее как административного, культового, военно-политического, ремесленного и торгового центра, но также и культурного: здесь сложилась особая чачская школа нескольких видов искусства.

В мадине Шаша работали мастера по росписи интерьеров дворцов и богатых домов, высокого мастерства достигло медальерное искусство, а также изготовление штампов для портретных оттисков. Свидетельством тому являются портретные изображения правителей на монетах и терракотовых плитках, обладающие индивидуальностью и большой силой выразительности. Далеко за пределами Ташкента славились его певцы, музыканты и танцоры, сложился даже особый стиль и ритм чачских танцев, популярный даже в таких отдаленных странах, как Китай. Особой популярностью пользовался там энергичный танец в исполнении чачских мальчиков, названный в Китае «хутенью» (взлететь, подсказывать). Поэт Лю Янь-ши пишет об этом танце:

Юношей из Ташкента люди видят редко,
Танцуют они на корточках перед винной чашей и носятся, словно птица.

Хуское²⁴ платье тонкой шерстяной ткани, маленькие рукава,
Отбросил блюдо с виноградом, поглядел на запад²⁵.

И вспомнил родные места, куда далека дорога.

Прыгает, крутится, позванивает драгоценный пояс.

Ногами выделявает всяческие коленца – расшитые сапоги мягки,

Сидящие вокруг не болтают, все глазами впились,

Музыканты с ди и пипой²⁶ наклонили головы и подгоняют его.

Бешено прыгает на новом ковре из белой, как снег, и темно-красной шерсти.

Сбоку слетают легкие цветы и они падают на красные свечи.

Вино кончилось, танец прекратился, струнные и духовые инструменты замолчали,

И сквозь розы на западе видна ущербная луна.

Еще один танец, завезенный из Ташкента, китайцы называли «чжечжи». Этот танец исполнялся вначале одним, а позже пятью танцорами, которые облачались в короткую жилетку, повязывали серебряный пояс, а на головы надевали конусообразный колпак, на согнувшийся конец которого повязывали колокольчик²⁷. Особый танец Чача исполнялся девушками. По описанию действий танцовщиц можно судить о ритуальном назначении танца, исполнявшегося в честь богини плодородия²⁸.

Столица Шаша была также крупным культовым центром, в среде ее жителей по-прежнему были распространены астральные, земледельческие культы плодородия, огнепоклонничество, почитание обожествленных предметов, чему был посвящен особый храм рядом со столицей. Существовала особая система обрядов, связанных с погребальным ритуалом. Погребения осуществлялись в грунтовых склепах под курганами в сопровождении оружия, украшений, сосудов с заупокойной пищей.

С VI-VII вв. распространился зороастрийский обряд захоронения очищенных костей в глиняных ящичках-оссуариях овальной формы с крышками. Изготовление оссуариев, стенки которых украшались резным орнаментом, а навершия – скульптурами баранов, птиц и человеческими лицами, было особым видом ремесла и искусства в Чаче.

Чач сохранил свой язык, письменность и культуру. Официальным языком оставался диалект согдийского языка, знаками согдийского письма проставлялись титулы и имена правителей Чача на монетах (Артачака, Сачака, Шчаниябга, Тарнбагча, Африга), на согдийском языке обменивался правитель официальными посланиями с соседними государствами, о чем можно судить по тексту на халате дапирпата Чача (главы канцелярии), изображенного в числе других послов к самаркандскому правителю на стене дворцового здания в древнем Самарканде (городище Афрасиаб). Вместе с тем усиливается роль тюркской среды и тюркского языка. На одной группе монет известно тюркское имя правителя – Ильтегин, на других упомянут тудун, а также правитель Чача Тюркеш.

По письменным сведениям чачцы внешне были похожи на жителей Согда и Ферганы отличались воинственностью и самолюбием.

ОЧЕРК 3.

ОТ ЧАЧА К ТАШКЕНТУ. (IX-XII вв.)

С периодом борьбы с арабскими завоевателями связана одна из самых трагичных страниц истории Чача и его столицы.

Сюда, в северную область на окраину халифата, бежали многие участники антиарабских восстаний. Именно из Чача, благодаря его тесным связям с кочевниками степей приходила поддержка и первым антимусульманским движениям в Мавераннахре²⁹. Еще в IX в. их поддерживал правитель Чача. Так, когда в Самарканде в 806 г. поднял восстание Рафи ибн Лейс, на его призыв присоединиться к восставшим против «султана и мусульман» откликнулись жители Чача, решив выступить против насилия чиновников халифата.

Восставшие преподавали учение Муканна («скрывающийся под покрывалом»), чачцы поддержали его еще и потому, что много участников разгромленного раннее движения «людей в белых одеждах» и сторонников Муканна нашли прибежище в Чаче. Обстановка в Чаче этого времени хорошо отражена в сложившейся в халифате поговорке: «Проходя через Шаш, поднимай выше полы халата, ибо это прибежище демонов от которых бегут правители».

В результате ряда карательных походов в Чач, его города и, в первую очередь, столица подверглись разрушению и опустошению. Урон был непоправим. Табари недаром лаконично отмечает: «все селения Шаша были сожжены». Археологическими раскопками в самом Ташкенте выявлена наглядная трагическая картина разрушений и пожаров.

Согласно Табари, в это время была разрушена ирригационная сеть, а канал питавший столицу, был засыпан, что нанесло хозяйству горожан непоправимый ущерб.

Разрушенная, лишенная канала столица, так и не смогла до конца оправиться. На месте обширного некогда города на Минг-Урюке в последующие века существовал лишь небольшой пункт. Столица же была выстроена заново в 8 км к северо-западу от пепелища на новых землях, которые входили в предыдущий период в округу мадины Шаша.

В IX в. по распоряжению правительства халифата на нужды ирригации нового города было отпущено 2 миллиона дирхемов. Халиф Мутасим (833-842 гг.), выделив эту сумму, приказал вырыть канал в Шаше. По данным археологии, это мероприятие было связано, видимо, с усовершенствованием водной системы Бозсу-Калькаус. Большие ирригационные работы заложили условия для развития столицы Чача в саманидский период.

После подавления восстания политика багдадского халифата в отношении окраинных земель ужесточилась, дабы закрепить их в составе халифата. Соответствующие меры были проведены и в Чаче, так как этой богатой областью особенно дорожили. Если сравнить суммы налога-хараджа, выплачиваемые в казну халифата областями Мавераннахра в IX в., видно, что Чач вносил 607 тысяч дирхемов мусейяби, в то время как, например, Фергана – 280 тысяч дирхемов мухаммади³⁰. Более двух третей налога Шаша поступало с его серебряных рудников.

Правительство халифата отпускало средства для возведения пограничных стен и крепостей-рабатов для защиты от набегов кочевников. Такая стена возведена на северном рубеже Чача «от гор Сайлыка до Чачской реки» (Сырдарья). Остатки вала этой стены видны и сегодня в Южном Казахстане.

Трудности в удержании завоеванных областей Мавераннахра вынудили халифат идти на уступки местной знати и привлечь ее на свою сторону. При халифе Мамуне наместниками Хорасана стали назначаться представители старой местной знати Тахириды, а в Мавераннахре от их имени правили потомки Самана, также оказавшие услугу халифату.

Когда власть халифата установилась над Чачем, он стал форпостом новой религии – ислама, которую многочисленные проповедники понесли отсюда кочевым племенам степей.

Чач оставался крайней точкой халифата на далеком северо-востоке, пока его граница не продвинулась дальше в степь. Таким образом, процесс исламизации тюркских степных пле-

мен шел активно, хотя и растянулся на многие века. Рядом могли жить одни и те же народы и племена, часть которых уже приняла ислам, а другая пребывала в язычестве.

Возвысившись, в конце IX в. Саманиды создали практически независимое государство, со столицей в Бухаре. Шаш управлялся выходцами из этой династии. В начале это был Йахья ибн Асад, который начал выпускать в столице серебряную монету от своего имени.

По данным письменных источников, нумизматики и археологии, столица называлась по-прежнему Чач (Шаш), мадина Шаша и Бинкет и занимала территорию нынешнего «старого города» Ташкента, центр ее находился между Чорсу, Иски-джува и ул. Навои. В письменных источниках IX-X вв. упомянуто еще одно название – Бинкет.

В описаниях арабских источников Бинкет – это крупный административный и торгово-ремесленный центр, в изобилии снабженный водой. По описаниям авторов X в., в длину и в ширину он имел по одному фарсаху (6-8 км) и структурно делился на цитадель (кухендиз или арк), внутренний город (шахристан или мадина) и два пригорода – внутренний (рабад-дехиль) и внешний (рабад-харидж). Цитадель, обведенная стеной с двумя воротами, одни из которых выходили в шахристан, другие — в рабад, вмещала дворец правителя и тюрьму. Под стенами цитадели располагалась соборная мечеть. В шахристан, обведенный своей стеной, можно было попасть через трое ворот, названия которых сохранились: ворота Абул-л-Аббаса, Джунейда (выходившие на запад и восток), и Кешские (южные).

Известно, что внутри шахристана было много мастерских городских ремесленников, в том числе железных дел мастеров, медников, керамистов, торговые лавки готовой продукции, среди которых источники упоминают лавки, торгующие асбестовыми фитилями. Следовательно в шахристане располагались и базары.

IX-X вв. – время развития феодальных отношений в Чаче, роста городов. Причем города превращаются в сложные структурно расчлененные организмы, в которых важную роль стал играть новый составной элемент – ремесленное предместье, рабад, сосредоточение всех видов производства, работавших почти исключительно на продажу. По-прежнему основную базу

ремесла составляли горно-рудные богатства области и поступающие продукты животноводства от кочевников.

Большая часть базаров Бинкета располагалась во внутреннем рабаде, окруженном особой стеной. В ней имелось, по одним данным восемь, по другим - десять ворот. В названиях некоторых из них донесены до нас особенности внутренней топографии и топонимики рабадов и прилегающей к городу территории: ворота рабада Хадмин, железные (Аханин и Ходид), Эмира, Фархан, Суркеда, Керманд (или Кармабадж), ворота степной улицы (Сахда), Рашиджак, ворота улицы хакана, замка Дихкана (каسر-ул дихкан или Кушки-дихкан). Во внешнем рабаде арабские географы называют семь ворот: Фарагкет (восточные), Хаскет (переправы Хас на Сырдарье), Сандиджак (или Сенкдиджан), Железные, Бакериджак, Секрек и Саграбад.

Авторы источников отмечают, что город скрывается в зелени и относится к самым здоровым городам Мавераннахра. Дома его выстроены из глины, обширны по размерам и во всех дворах течет вода. Все каналы протекают через шахристан и рабад со множеством протоков, повсюду выкапывались пруды и хаузы. Как уже отмечалось, город в составе государства саманидов в изобилии чеканил монету и на серебряных и медных кружках выставлялось место чекана. Это был Шаш, мадина Шаша и Бинкет. Все эти три названия города употреблялись в это время.

С конца IX в. в источниках впервые упоминается должность хакима, иногда по старой традиции он назывался «кедхуда». Хахим Чача, как и других областей, назначался саманидским эмиром, обычно по рекомендации везира и других влиятельных вельмож и военачальников государства. На эту должность часто наследственно утверждались представители старой местной династии, владевшей Чачем до вхождения в арабский халифат. Правитель Чача упомянут источниками последний раз в IX в. Позднее о нем сведений нет, что вполне объяснимо появлением должности хакима. Титул сменился, но должность занимали по-прежнему представители той же династии.

Город Бинкет управлялся раисом, которого хахим назначал из местной знати, часто из представителей мусульманского духовенства. В городе существовали городские органы государственных диванов, т.е. военно-гражданских ведомств государства, однако почти все они подчинялись местному управ-

лению. Штат городского управления при раисе набирался в основном из среды знати – дихкан и духовенства. Чиновникам управления для поступления на службу требовались определенные знания, владение персидским и арабским языками, знание Корана и основных норм шариата. Они должны также быть начитанными и осведомленными в разных науках. Это сословие лиц в Мавераннахре называлось по-арабски «ахл ал-калам» (люди пера) и по-персидски «дабирь» (секретари).

Существовало положение, что чиновники могли постепенно двигаться по лестнице государственных должностей, достигая ее высших ступеней. Главной функцией органов управления было взимание налогов, в основном с городских ремесленников и торговцев.

Следует отметить, что город Бинкет IX-X вв. быстро развивался экономически и к XI в. достиг апогея своего расцвета. В это время, как никогда раньше, проявились преимущества географического расположения города. Основой его процветания явилось расположение на транзитном торговом пути, а также близость рудной базы. Именно в это время рудники Чаткальских и Кураминских гор активно разрабатывались. Металлургия и металлообработка играли важную роль в ремесленном производстве города.

По сведениям арабского географа Истахри, «никакой рудник ислама не может сравниться с серебряным рудником Панджшира, а ртути, золота и прочего, что бывает в рудниках, больше всего добывается в Мавераннахре». Упомянутый рудник был эталоном для Востока по богатству и разработанности и именно с ним другой географ ибн Хордадбех сравнивает рудники Чача и Илака³¹, называя их «новым Панджширом».

Археологи обнаружили эти рудники в Чаткальских и Кураминских хребтах и исследовали их. Разработка руды велась здесь с помощью карьеров, а также закрытым способом – шахтами и штольнями. На золотых рудниках Илака выявлены штольни глубиной до 100 м., а на серебряных – до 340 м., со специальной системой вентиляции и водоотвода, разветвленной сетью рабочих и рудоподъемных стволов. Наиболее крупные рудники связаны с добычей свинцово-серебряных руд. Это – рудники Лашкерека: Кинимансур, Кухисим и другие. Золото добывалось в меньших масштабах, наиболее крупные рудники обнаружены в южном Чаткале. Кроме золота и серебра добы-

валась медь, железо, олово. Особо следует отметить добычу бирюзы. По сообщению Бируни, чачская бирюза высоко ценилась на Востоке³².

Руда обогащалась тут же, при крупных рудниках, и подвергалась предварительной плавке. Ремесленники Бинкета получали металлические заготовки-крицы изготовленные на пункте в верховьях Пскема, где археологи обнаружили остатки города рудознатцев и металлургов – Шахджувартена. Дальнейшую обработку металлические заготовки проходили в городах. В Бинкете металлургическое и кузнечное ремесло было широко развито. Об этом свидетельствует перечень товаров из металла, которые изготавливались на экспорт и для обмена со степняками. В их числе оружие и предметы домашнего обихода, вплоть до ножниц и иголок.

Ремесленники, связанные с обработкой металла, селились компактно и, видимо, объединялись в производственные организации типа цехов. На расчленение ремесленников по производственным признакам есть указание в философских трудах Ихван ас-Сафа (вторая половина IX в.). Автор объединяет их в несколько групп по материалу, из которого делали изделия. Особенно выделяются золотых дел мастера и парфюмеры. Преимуществом обладают также изготовители сложных изделий, точных инструментов. К отдельной группе следует отнести ремесленников особо востребованного труда (ткачи, строители). Выделены также объединения банщиков, мусорщиков. Признаком для выделения была также искусность труда, который не имел практической пользы (художники, музыканты, фокусники).

Одно из ведущих мест занимало ткацкое ремесло и ковроткачество, сырье для которого поставляла кочевая степь. Источники сообщают об изготавливавшихся в Бинкете тканях из шерсти и хлопка, одежде, плащах, палатках, молитвенных ковриках, изделиях из кож, покрытиях из шагреновой кожи знаменитых чачский седел с высокой лукой, войлочных изделиях и юртах. Истахри упоминает, что в Чаче одежды «столько, что она в избытке и вывозится в другие страны».

Особо славилась посуда Чача. Макдиси, арабский географ X в., сообщает, что «ей не было равных на всем Востоке». Раскопки в Ташкенте собрали богатейшие коллекции керамической посуды, подтверждающие оценку современников. Эта высоко-

художественная, прекрасного качества посуда Бинкета, собранная в раскопках, сейчас находится в музеях Ташкента. Была широко распространена белофонная посуда: блюда, тарелки, чаши, с каллиграфически выполненными арабскими надписями почерком строгого куфи IX – начала X вв. Надписи эти благожелательного характера, с цитатами из Корана. Позднее стал популярен почерк цветущего куфи и, впоследствии, графический орнамент, имитирующий надписи. Большим разнообразием мотивов отличалась расписная посуда, на которой растительный орнамент подчинен геометрическому ритму размещения на поверхности сосуда. По исполнению и богатству сюжетов уникальна посуда с зооморфными мотивами – изображениями животных, рыб, птиц и фантастических существ. Прекрасны сосуды со штампованным орнаментом. Богатство и разнообразие декора показывает, что школа чачских керамистов IX-XI вв. по праву занимала одно из ведущих мест в Мавераннахре.

К керамическому производству технологически примыкает стеклоделие. Огромная коллекция изделий из стекла собрана археологами при раскопках в Ташкенте. Это – столовая посуда, аптекарские и косметические флаконы, сосуды алхимиков, украшения (бусы, браслеты) и плоские диски, которые, очевидно, использовались в качестве оконных стекол и вставлялись в решетки панджара. Обнаружены и остатки мастерских стеклодувов с печами.

Располагаясь на транзитном торговом пути, Бинкет не был просто перевалочным пунктом. Он экспортировал товары городского ремесла. Макдиси отмечает, что кроме указанного выше перечня товаров, вывозились также прекрасные луки и колчаны. Именно в IX-X вв. Оформляются основные караванные пути, проходившие через Чач в страны юго-восточной Азии. Южный вел из Согда к р. Сырдарье, затем в долину Чирчика к Чачу. Основным же транзитным путем становится северный. Он был кратчайшей линией связи между Согдом и Чачем и проходил через степные районы. Из Бинкета он шел далее на восток к пограничной области Исфиджаб через рабад у Келеса в степь. Тот же Макдиси указывает, что из Бинкета вывозят «хлопок к тюркам и одежды, и шелк, и ткани из него, и орешки, и орехи». Сырдарья, она же «река Чача» также была торговой магистралью, по которой перевозили товары, в частности, «зерно к гузам (тюркские степные племена), когда те живут в мире». Один путь из степей вел из Бинкета в горные районы.

О широкой товарности ремесла и уровне торговли свидетельствуют многочисленные монеты, главным образом серебряные и медные для местного употребления. Серебро чачских рудников было высокого качества и широко вывозилось в страны Закавказья, Восточную и Западную Европу. Обилие серебра было таким, что монетный двор работал прямо при руднике. При этом как место чекана проставлялось «мааден аш-Шаш» (рудник Шаша). Серебряные монеты дирхемы вывозили даже как товар в Восточную Европу. Большое количество серебряных монет того времени найдено на большой площади вплоть до Москвы и Новгорода, Финляндии и Дании, что свидетельствует об интенсивности торговых связей с этими странами.

Рынки Бинкета были наполнены также товарами, привезенными из степи. Кочевники снабжали город мясом, молоком, шерстью, кожей. Город славился также своим невольничьим рынком. Здесь покупались тюркские рабы для гвардии гулямов саманидских эмиров. По сведениям источников, основатель династии Газневидов Себук Тегин, в молодости был куплен на этом рынке.³³

К концу X в. саманидское государство, ослабленное внутренними противоречиями и внутрдинастийными распрями, пало под ударами тюрок-караханидов. В этот период в оазисы Мавераннахра нахлынула новая волна кочевого тюркского населения, и Шаш был первым на их пути. Он вошел в состав нового политического объединения – Караханидского каганата, захватившего территории саманидского государства. Государство Караханидов дробилось на множество уделов, связанных между собой, так как они часто управлялись представителями правящего рода каганов. Широко распространялся институт пожалования земель и городов за службу. Так бывший саманидский вельможа и военачальник Бегтузун, перешедший на службу к Караханидам, в 1001 г. получил в пожалование Шаш.

Изучение монет позволяет выявить несколько удельных правителей Шаша. Наиболее известным из них в 1003 г. был Йусуф бини Абдаллах, обладавший известной самостоятельностью. С середины XI в. Шаш был во власти второго по значению хана Караханидов Мухаммада Богра-хана.

Приток новых масс тюркоязычного населения из степей привел к сильной тюркизации, прежде всего, районов по Сырдарье, закон-

чившейся полной сменой языка и появлением тюркоязычных топонимов. В конце X в. в труде Абу Райхана Бируни впервые зафиксировано название столицы Шаша – Ташкент, наряду с известным ранее – Бинкет. Во второй половине XI в. название Ташкент фигурирует у тюркского филолога Махмуда Кашгарского, который прямо указал, что Ташкент – это тюркское название Бинета. Устоявшееся с древности название города Шаш с этих пор продолжает равноправно употребляться вместе с новым названием вплоть до XVIII в., когда оно было, наконец, утрачено.

Язык тюркского населения смешивается с согдийским. Махмуд Кашгарский отмечает этот процесс для Семиречья, где люди говорили на двух языках, но постепенно согдийский уступает место тюркскому. То же происходило и в Ташкентском оазисе.

Источники X-XII вв. донесли до нас сведения о быте и культуре жителей Чача. В частности, они сообщают, что чачский язык был лучшим из языков Хайтала. В этот период ислам укрепляет свои позиции в регионе и столице, жители которых были шафииты. Среди проповедников ислама в Бинкете известны имена Мухаммада Каффаль Шаша и Ходжа Аламбардора, похороненных в Ташкенте. Есть упоминание о мусульманской школе Чача. По словам богослова Абу Хатыма (ум. в 965 г.), «он прослушал тысячу учителей от Шаша до Александрии».

IX-XII вв. – наиболее плодотворные не только в развитии ремесла, торговли, но и культуры. Письменные источники очень скупы, они позволяют лишь наметить общую картину культурной жизни города. Известен ряд поэтов, творчество которых связано с Ташкентом. Среди них поэт лирик Абу Мухаммад ал-Матрони. По мнению современников, не было в Шаше и Мавераннахре поэта, равного ему. Его стихи, написанные на арабском языке, о любви, дружбе, красоте природы собраны в «Диван». Писал и жил в Ташкенте поэт и философ Абу-р-Раби ал-Балхи. Ташкент произвел на него неизгладимое впечатление. «Шаш, – писал он в своих стихах – это рай летом, он защищает от мук знойной поры. Но там, в пору холода и мороза, я становлюсь безумным».

Заметим, что период IX-XI вв. был «золотым веком» в истории экономического и, особенно, культурного развития Мавераннахра, названного периодом «мусульманского Ренессанса». Ташкенту историей в нем отведена одна из главных ролей.

ОЧЕРК 4.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА МАВЕРАННАХРА XV-XVII ВВ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Ташкент, как и другие города Мавераннахра, на протяжении своей многовековой истории испытал периоды взлета и падения. Одним из этапов развития социально-экономических отношений и культуры Ташкента являются XV - отдельные десятилетия XVII столетий.

Годы правления в Мавераннахре Амира Темура благоприятно отразились на процветании города. С установлением сильной центральной власти Ташкент приобрел защиту от частых нападений политических противников и претендентов на место хакима Ташкентского вилаета. Он превратился в опорный пункт против нападений предводителей кочевых племен и моголистанских ополчений, а также место стоянки войск Темура и отдельных Темуридов перед выступлением их в степные зоны. Здесь останавливался Амир Темура при походе против Тохтамыша, здесь провел он некоторое время при последнем походе - в Китай. Двадцать лет спустя, в феврале 1425 г., во главе объединенных войск, собравшихся у Ташкента для похода в Моголистан, здесь некоторое время находился Мирзо Улугбек. По его приказу участники похода уложили на специальные телеги нефритовый камень, который ранее пытался привезти еще Темура. После доставки его в Самарканд камень был использован в качестве надгробного камня-сагана Амира Темура.

Пребывание в прилегающих к Ташкенту районах крупных военных отрядов свидетельствует не только о роли Ташкента как

форпоста у выхода в степную полосу, но и о дополнительных сборах с населения для содержания войска и снабжения его снаряжением: местные жители были обязаны обеспечить войско всем необходимым.

Амир Темура провел значительные строительные работы в городе и окрестностях Ташкента. По его приказу были отремонтированы мавзолеи Занги-Ата и Амбар-биби, заново отстроен разрушенный в XIII в. город-крепость Банокат. Эта неприступная крепость на берегу Сырдарьи отныне стала называться Шахрухия, в честь его сына.

Во второй половине XV в., особенно к концу столетия, государство Темуридов распалось на множество мелких уделов, являвшихся по существу самостоятельными политическими единицами, возглавлявшимися в основном потомками Амира Темура. Значительную роль в политической и экономической жизни страны в эти годы стали играть тарханы - привилегированное сословие, пользовавшееся привилегиями по наследству. Термин «тархан» означал предоставление ряда льгот владельцу тарханной грамоты, в том числе освобождение от податей принадлежавшего ему имущества - земельных владений и оросительных каналов. Тарханной грамотой по традиции награждался влиятельный бек, оказавший особую услугу государю, хотя изредка были и исключения. Были и купцы-тарханы, а в 1524 г. по настоянию «простой женщины» из Ахангарана ее мужу Султан Мухаммадом (обычно определяемым как Кельди Мухаммад) пожаловано тарханство «с годовой пенсией».

Ташкент с окружающей областью некоторое время находился под властью одного из тарханных беков.

При последних Темуридах Ташкент подчинялся то верховным правителям Самарканда, то правителю Бухары, то владельцу Ферганы Темуриду Омар-Шейху (умер в 1494 г.). Как свидетельствует его сын Захириддин Мухаммад Бабур, он постоянно нападал на соседей и «из-за соблазна к захвату часто менял мир на битву и дружбу на вражду»³⁴.

В 70-е годы XV в. Ташкент и Шахрухия стали причиной раздора между братьями, сыновьями Абу-Саида - Султан Ахмад мирзой, правившим Самаркандом (1469-1494 гг.), и Омар-Шейхом. Посредством оружия Омар-Шейх решил присоединить Ташкент к своим ферганским владениям, но, не имея достаточных сил, вынужден был

обратиться за поддержкой к деду Захириддина Бабура Юнус-хану (умер в 1487 г.). С армией в 30 тыс. человек не без корыстных целей Юнус-хан отправил на помощь Омар-Шейху своего старшего сына Махмуд-хана. Сам Омар-Шейх во главе 15-тысячного войска также выступил по направлению к Ташкенту. Однако сражения союзных войск с армией Султан Ахмад-мирзы не произошло. По показаниям историка Мухаммада Хайдара, прибывший в лагерь Султан-Махмуд-хана известный деятель того времени Убайдулла Ходжа Ахрар «примирил» политических противников и в результате «переговоров» Ташкент был передан Юнус-хану.

«С того времени до девятьсот восьмого года (1502-1503 гг.), - пишет Захириддин Бабур, - области Ташкента и Шахрухии находились во власти чагатайских ханов»³⁵. При сыне Юнус-хана Султан-Махмуд-хане (умер в 1508 г.) Ташкент считался столицей области Моголистан.

Как видно из приведенных сообщений, правители Ташкента в эти годы вели самостоятельную политику, нередко вмешиваясь, и небезуспешно, в дела соседних областей.

Некоторым правителям Ташкента порой удавалось значительно расширить свои владения и заставить признать свою власть над городами по Сырдарье и в Фергане. При Султানে Махмуд-хане, например, к его владениям относился и Отрар, а Ташкент считался столицей всего Моголистана. По свидетельству Камалиддина Бинаи и анонима «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме», хан передал Отрар в начале его политической деятельности Шайбани-хану, надеясь тем самым иметь в его лице союзника в борьбе с Темуридами. Из ферганских документов, включенных в «Сборник ярлыков»³⁶, а также из источников-литературы выявляется, что в конце XV в. и в отдельные годы XVI в. хакимам Ташкента, например, Науруз Ахмаду, Дарвиш-султану и некоторым другим, подчинялось несколько городов Ферганы, в том числе Ахси - «одна из сильных крепостей этой страны» (т.е. Ферганы - Ред.), а также Яса и Сауран.

Отсутствие сильной центральной власти сказывалось отрицательно на общем экономическом развитии среднеазиатских городов и селений, особенно пограничного Ташкента. Грабежи населения окрестных Ташкенту районов в такие годы были особенно частыми. Вот как описывает Камалиддин Бинаи одно из грабительских нападений на Ташкент. Когда Мухаммад

Шайбани-хан узнал, что правитель Ташкента ушел в поход на Фергану, он «со всей поспешностью форсированным маршем направился к Ташкенту. На исходе ночи подошли к Ташкенту на (расстояние в) один фарсах. Хазрат-хан был за то, чтобы без промедления подойти к воротам Ташкента. Но Хамза-султан увидел более правильное решение в том, чтобы сделать остановку для передышки, так как они шли слишком поспешно. На основании его просьбы Хазрат-хан приказал сделать на некоторое время остановку для совершения утренней молитвы. После этого Хазрат-хан, счастливо оседлав коня, направился к Ташкенту. Пока прошли один фарсах, взошло солнце. Ташкентцы, увидев издали военные ополчения, бросились в город и заперли все ворота, однако у них не было времени и возможности унести хоть что-нибудь из имущества. И, кроме детей, которых они с тысячьо хитростей увели в город, все вещи остались вне города. Воины Мухаммад Шайбани-хана, увидев это, релчили протянуть руку к грабежу, и, позарившись на добычу, уклонились от взятия города».

Беспорядки и грабежи предводителей войск нарушали порой на продолжительное время связи города с окружающими районами, с другими культурными центрами, со степью, столь тесно связанной с Ташкентом.

Отдельные ташкентские правители делали попытки подчинить и стольный город Темуридов - Самарканд. Так, по словам Захириддина Бабура, пользуясь междоусобной борьбой, Султан-Махмуд-хан выступил из Ташкента с целью захвата Самарканда. Однако навстречу ему вышел Темурид Байсунгур-мирза, «с многочисленным, сильным, хорошо снаряженным войском», и противник вынужден был отступить³⁷.

В 1495 г., опасаясь нового похода со стороны Султан-Махмуд-хана, вступивший на ферганский престол после смерти отца малолетний Захириддин Бакур посетил ташкентского правителя и, как можно заключить по его словам, номинально признал верховную власть хана. «Мне пришло на ум, - пишет он, - что поскольку отношения (между нами) близкие (Султан Бакур с материнской стороны приходился Махмуд-хану племянником), то хан является мне как бы отцом или старшим братом, и если я пойду и стану служить ему, и если неудовольствия, которые были раньше, рассеются, то это вызовет одобрение слышащего и видящего вблизи и вдали»³⁸.

Захириддин Бабура вынужден был неоднократно обращаться за помощью к ташкентскому хану в борьбе с сепаратистскими стремлениями андижанских беков. Но ташкентский правитель думал прежде всего о своих интересах и действовал в зависимости от обстоятельств. Выступив, например, по просьбе Захириддина Бабура во главе своих ополченцев против захватившего власть в Фергане эмира Ахмада Танбаля, он, получив от него соответствующие подарки, отступил, не вступая в бой. Изменению первоначальных замыслов Султана Махмуд-хана послужила, возможно, и другая причина. В его отсутствие к Ташкенту подошел, тогда еще правитель лишь кочевых узбеков, Шайбани, который, пользуясь сложившимися обстоятельствами, мог захватить город.

Узнав об этом, Султан Махмуд-хан поспешил в Ташкент, а Шайбани отступил в Туркестан. Во время этого налета в плен попал и был доставлен в Ташкент брат Шайбани-хана, Султан-Махмуд, соратник его военных походов, позже назначенный им правителем Бухары. Ташкентский хан, однако, предпочел отпустить его к Мухаммаду Шайбани. Этот поход Мухаммада Шайбани, надо полагать, остался неизвестным Захириддину Бабуру, почему отход Султан-Махмуд-хана от Андижана он объясняет лишь получением подарков и «доверчивостью хана к ложным речам противников»³⁹.

Безвыходность положения Султана Бабура, оставшегося без удела, вновь заставила его обратиться к Султану Махмуд-хану, теперь уже с предложением совместными усилиями захватить Самарканд. В надежде подчинить своей власти столицу Мавераннахра, в середине 1498 г. хан послал к Самарканду около 5 тыс. воинов. Но приближение Мухаммада Шайбани, теперь уже поставившего целью завоевать всю территорию государства Темуридов и в первую очередь его столицу, вынудило Махмуд-хана отступить к Ташкенту⁴⁰. Как видим, Султан Махмуд-хан охотно посылал для поддержки своего племянника военные отряды, надеясь при успехе приобрести в лице Султана Бабура нового вассала - правителя Ферганы, в противном случае он мог ограничиться добычей за счет грабежей мирного населения. Ташкентский правитель неоднократно посылал свои отряды «на помощь» и другим Темуридам, претендующим на самаркандский престол. В 1500 г. при походе на Самарканд Мухаммада Шайбани Султан Махмуд-хан поддержал

его, послав, по словам Камалиддина Бинаи, к стольному городу войска в количестве 5 тыс. человек⁴¹. По мнению Мухаммада Хайдара, Шайбани-хан завоевал Самарканд и Бухару с помощью Султан Махмуд-хана. Однако позже, после занятия Самарканда Захириддином Бабуром, ташкентский правитель оказал помощь захириддину бабуру в его борьбе против Шайбани-хана, отправив ему отряд из 500 человек.

При отдельных хакимах, скрываясь от преследований политических противников, за городскими стенами Ташкента нередко находили убежище представители правящей династии и высокопоставленные лица, причастные к управлению страной. Сюда бежал со своими сыновьями при усилении опасности захвата Самарканда со стороны Шайбани-хана старший сын Убайдуллы Ходжи Ахрара - Ходжаги Ходжа; здесь нашел убежище третий сын Темурида Султан Махмуд-мирзы - Ваис-мирза (Хан-мирза); здесь искал поддержку в годы скитаний сам Захириддин Мухаммад Бабур. Все это - свидетельства роли и политического веса Ташкента в период децентрализации власти в государстве Темуридов.

После окончательного завоевания Самарканда и Бухары Шайбани-хан выступил в хорошо подготовленный для покорения Ташкента поход. Всем султанам, царевичам и мужчинам покоренных народов Мухаммад Шайбани приказал явиться для участия в походе и до победы «ни один султан не имел права вернуться в свое владение»⁴². Между тем, правитель Ташкента Султан Махмуд-хан готовил поход на Андижан против правившего в это время в Фергане Ахмада Танбаля. Захватив земли, законным правителем которых считал себя Захириддин Бабур, Ахмад Танбаль не только не стал признавать верховную власть хана Махмуда, но во главе своих ополчений совершал военные набеги на Ташкент и соседние земли. При этом каждая из сторон действовала, якобы, в интересах поддержания законных прав сыновей бывшего правителя Ферганы - Омар-Шайха: Султан Махмуд-хан стремился сделать марионеточным правителем Ферганы Захириддина Бабура, для чего, выступая в поход, он взял его с собой, выделив ему отряд и дав задание проникнуть в тыл противника, а Ахмад Танбаль действовал от имени младших братьев Бабура - Джохангир-мирзы и Насыр-мирзы. Для организации совместного похода против Ахмада Танбаля Султан Махмуд-хан вызвал из Турфана

своего младшего брата - Султан Ахмад-хана, известного под прозвищем Алача. От имени старшего брата тот правил восточной частью Моголистана.

Отряд под начальством Захириддина Бабура в короткое время захватил несколько городов Ферганы, но отвоеванные Бабуrom земли Султан Махмуд-хан передал своему брату Султан Ахмад-хану, что вызвало размолвку между племянником и его дядями. Однако удержать захваченные земли Султан Ахмад-хану не удалось. Местные жители выступили против пришельцев, расправились с их гарнизонами и изгнали врагов. «Они схватили во всех крепостях тех моголов, - сообщает Захириддин Бабур, - ограбили их и выгнали их, избивая»⁴³.

Шайбани-хану без особого труда удалось подчинить Ахси, и весной 1503 г. он встретился с войсками ташкентского правителя у города Архиан. Развернулась короткая, но жестокая битва, в результате которой войска моголистанских ханов были перебиты и рассеяны. Султан Махмуд-хан и Султан Ахмад-хан попали в плен, но из политических соображений были тогда отпущены Шайбани-ханом. Однако позже, в 1508 г., старший брат - Махмуд был казнен по распоряжению Мухаммада Шайбани; несколько раньше, в 1504 г. умер (по всей вероятности был отравлен) Султан Ахмад-хан. Захириддин Бабур отступил в горы южной Ферганы, затем - на юг. Оставленный править Ташкентом на время его отсутствия, сын Султана Махмуд-хана - Султан Мухаммад, с приближением войск Шайбани-хана бежал из города, захватив с собой «все богатства, какие только мог»⁴⁴. Оставшееся имущество жителей разграбили вошедшие в Ташкент ополчения султанов. В результате подобных действий предводителей войск население города и его окрестностей было разорено, и «все люди достатка стали нищими»⁴⁵.

Завоеванный в 1503 г. Ташкент был отдан Шайбани-ханом в управление Джанибек-султану, Шахрухия - «одному из великих эмиров» Шайбани, брату Карачин-дивана - Якубу. Андижан временно остался в руках Ахмада Танбаля, признавшего верховную власть Шайбани-хана. Однако несколько позже владельцами этих городов с прилегающими к ним областями стали уже другие лица.

Создав относительно централизованное государство, Мухаммад Шайбани разбил завоеванные земли на уделы, во главе

которых поставил своих родичей, а в отдельных случаях - особо влиятельных предводителей племен. Оасаясь тех, кто за короткий срок разбогател и усилил свое влияние, он заменял одних удельных правителей другими. Так, согласно Мухаммаду Салиху, в 1503 г., после захвата, Ташкент был отдан узбекским ханом Джанибек-султану, согласно же информации автора «Тарих-и Кипчак-хани», Шайбани-хан пожаловал Ташкент и Андижан в качестве дарубеста своему сыну Темур-султану (по другому экземпляру сочинения ташкентской рукописи - Джанибек-султану и Темур-султану). Правда, тот же автор правителем Ташкента несколько позже называет Джанибек-султана.

Фазлаллах ибн Рузбихан, в своем сочинении 1509 г., называет ташкентским правителем уже Суюнч-ходжу (Суюнчук). «Престол Ташкента и подчиненных ему областей, - сообщает он, - находится во властной и могучей руке его высочества (Суюнч-ходжа-султана)», хотя в другом месте этого же сочинения он отмечает: «Управление стольным (городом) Ташкентом и подвластными ему землями, которые называют областью Шаш, было закреплено за его высочеством Кучум-султаном⁴⁶. Престол Андижана до границ Кашгара был закреплен за его высочеством прибежищем султанской власти, Суюнч-ходжа-султаном»⁴⁷.

Согласно рукописи «Тарих-и Кипчак-хани», Кучкунджи-хан, воцарившись на «четырехподушечном троне государства» в Самарканде, передал власть над областями с городами Ташкент, Андижан и Шахрухия своему брату - Суюнч-ходжа-султану.

По Абдаллаху ибн Мухаммад б. Али Нусраллахи, Суюнч-ходжа захватил крепость Ташкента после нескольких дней осады. При этом некоторые защитники были им казнены⁴⁸. Затем Суюнч-ходжа организовал поход против Саид-хана могольского, овладевшего Ферганой. Между ними произошла битва при Ахангаране. Саид-хан потерпел поражение и бежал сначала в Фергану, затем в Кашгар. Суюнч-ходжа, захватив Фергану, вернулся в Ташкент, оставив в Андижане султана Кельди Мухаммада.

Суюнч-ходжа считается родоначальником ташкентской ветви династии Шайбанидов и его потомки позже с переменным успехом выступали за независимость Ташкентского владения, пока оно не было захвачено Абдулла-ханом II (фактически правил в 1557-1598 гг., верховным правителем - ханом провозгласил себя в 1583 г.).

В годы правления Суюнч-ходжа-султана (1509-1524 гг.) роль Ташкента как экономического и культурного центра значительно возросла. Зайниддин Васифи, многие годы проживавший в Ташкенте и Шахрухии, оставил в своих мемуарах краткие, но чрезвычайно ценные (при скудных данных о Ташкенте в других памятниках письменности) сведения о поэтах, художниках, писателях, писцах и других деятелях культуры, создававших свои произведения как в самом Ташкенте, так и в окружающих его местностях.

Суюнч-ходжа-хану приписывается строительство чарбага Кайкаус, который располагался «вне крепости» Ташкента. Не менее интересно свидетельство Фазлаллаха ибн Рузбихана, что Суюнч-ходжа имел в подчинении огромное число воинов. В его кортеже «было более десяти тысяч всадников, узбеков по происхождению, у каждого из которых в день битвы сила и мужество равнялись (силе) тысячи богатырей (того) времени. Все они знаменитые молодцы, мужество и храбрость которых запомнили старики времен»⁴⁹.

Суюнч-ходжа-хан был одним из могущественных ханов Ташкента. Во главе своих войск он делал набеги на Дашт и Кипчак. В ответ в 1513 г. казахский хан Касым разграбил окрестности Ташкента, «захватил здесь несколько беззащитных людей» и отошел, не вступая в бой. Он был также одним из организаторов похода на Герат, правда, безуспешного.

Борьба между Шайбанидами и казахскими султанами за владение Ташкентом и присырдарьинскими городами продолжалась на протяжении многих десятилетий. К 1536 г. относится донесение русского посла в Ногайской Орде Данила Губина, который писал: «А казахи, государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, государь, Ташкент воевали, и ташкентские царевичи с ними дважды бились, а казахи их побивали»⁵⁰.

После смерти Шайбани-хана (1510 г.) Суюнч-ходжа был признан на короткое время главой династии (с 1510 по 1530 гг. верховным ханом государства Шайбанидов считался Кучкунчи-хан). Суюнч-ходже в Ташкенте наследовал его сын Султан-Мухаммад (Кельди Мухаммад) (1525-1533 гг.)⁵¹. С этим султаном, как и «с властной и могучей рукой Суюнч-ходжа-султана», вынуждены были считаться соседние правители. У него искал поддержку казахский хан Тахир (1523-1533 гг.). Позже, совместно с предводи-

телём киргизских племен Мухаммадом стал совершать походы на Туркестан, Сайрам и Ташкентскую область. Кельди Мухаммад организовал против него поход и разбил войско Тахир-хана у г. Яса. В результате победы часть присырдарьинских поселений перешла к Ташкентским владениям. Во главе своих войск Кельди Мухаммад в 935/1528-1529 гг. совершил поход на Хорасан. На короткое время ему удалось захватить Мерв.

В составе посольства Шайбанидов к Захириддину Бабуру в Агру в 1529 г. были и представители Ташкентского виллоета.

После смерти в марте 1541 г. Абдулла-хана ханом в Самарканде стал, вызванный из Ташкента третий сын Кучкунджи - Абдуллатиф-хан. Он правил до 959 г.х. (1551-1552 гг.). По словам автора «Тарих-и Кипчак-хани», он постоянно воевал с султанами северных областей, а с правителями Андижана и Туркестана жил в добрососедстве.

По показаниям автора «Мукимханской истории», когда умер бухарский правитель Абдулазиз-хан (1550 г.), его брат Мухаммад-Рахим-султан, правивший Ташкентом, решил захватить власть в Бухаре – «резиденции верховной власти», но умер в пути³². Из данного сообщения следует, что в некоторое время 50-х годах Ташкентом управлял Мухаммад Рахим-султан. Однако, по свидетельству большинства других источников, престол умершего в 1533 г. Кельди Мухаммада наследовал сын Суюнч-ходжа-хана - Барак, более известный под именем Науруз-Ахмада (1533-1556 гг.), считавшийся ранее удельным правителем Шахрухии. Он же называется правителем Ташкента, Туркестана и Ферганы, что свидетельствует о подчинении Ташкенту в те годы указанных областей. Султан Науруз Ахмад часто организовывал походы за земли других удельных правителей и центральные города государства Шайбанидов в зависимости от обстоятельств, меняя военные действия на союз с отдельными правителями.

По словам Мухаммада Юсуфа Байани, Барак-хан был связан родственными узами с представителями правящего дома Хорезма: внук Ильбарс-хана, Умар-султан, приходился ему племянником (сын его сестры). Барак-хан уговорил главу Шайбанидов Убайдулла-хана организовать поход на Хорезм и посадить на престол Хорезма Умар-султана. Убайдулла-хан выступил в поход, но, одержав победу, посадил на престол своего сына Абдулазиз-хана³³.

В 1554 г. Науруз Ахмад стал ханом - верховным правителем государства Шайбанидов. Кипчак-хан, автор хроники «Тарихи и Кипчак-хани» пишет, что весь Туркестан, Мавераннахр, Балх, Бадахшан, Хорезм, Мерв «украсили хутбу и чекан (монеты) его именем». «Но большую часть своего времени, - по словам того же автора, - он проводил в районах Ташкента, сражаясь с казахскими и киргизскими правителями».

При Науруз Ахмад-хане Ташкенту подчинялись города Ферганы, о чем свидетельствуют ярлыки, выданные от его имени. Барак-хан, не считаясь с влиянием крупного представителя духовенства - Махдуми Азама, насильно отнял земли, ему принадлежавшие. В то же время его сыновья, правившие в Ташкенте, предоставляли большие льготы ферганским сайидам - Фазылу-Али и его потомкам, выступавшим на его стороне и игравшим в дальнейшем большую роль в политической и экономической жизни области.

В течение трех месяцев Науруз Ахмад-хан осаждал Бухару, но вынужден был без результатов вернуться в Самарканд. Он был убит в своем лагере, как можно полагать, лицом, посланным джуйбарским шейхом по договоренности с Абдулла-ханом, который поставил целью подчинить все области Мавераннахра. По данным одного источника, это произошло в 964 г.х., по данным другого - в 963 г.х. (1556-1557 гг.).

Часть узбекских султанов в процессе борьбы с централизаторской политикой Абдулла-хана II пыталась объединиться и действовать совместными силами. Особое место среди таких султанов принадлежало сыновьям Науруз Ахмад-хана и в частности наиболее активному из них Баба-султану. По свидетельству автора «Тарихи Кипчак-хани», Баба-султан вместе со своим братом Дарвиш Мухаммад-султаном правил Ташкентом, Андижаном и Туркестаном. В борьбе против Абдулла-хана II Баба-хан прибегал к помощи казахских султанов. В 1579 г. за эту помощь он пожаловал казахским султанам в качестве сургала присырдарьинские города Яса и Сауран.

Однако сыновья Науруз Ахмад-хана не всегда выступали вместе, отдельные из них порой переходили на сторону Абдулла-хана. Старший из братьев Дарвиш-хан во главе ташкентских войск прибыл в Самарканд, но захватить город ему не удалось. Измученные бесконечной сменой власти и понимавшие,

что очередные захватчики принесут с собой новые грабежи и дополнительные обложения налоговыми сборами самаркандцы вместе с военными отрядами хакима города вынудили отступить объединенные силы противников.

Несколько попыток сыновей Науруз Ахмад-хана захватить власть в стране и стать, как их отец, верховным правителем государства, не увенчались успехом. А между тем, эти попытки ташкентских правителей тяжело отражались на экономике города и области, разоряли хозяйства жителей. В такие периоды в ополчения, кроме воинов, насильно сгоняли рядовых граждан - горожан и крестьян, что вело к дальнейшему разорению хозяйств.

Большие лишения пришлось испытать жителям Ташкента в последние десятилетия XVI в. Борьба бухарского правителя, пытавшегося объединить разрозненные владения в единое государство, сопровождалась походами и на Ташкент. В 1578 г. Абдулла-хан захватил Ташкент. В письме к джуйбарскому шейху Ходже Саъду, он сообщал, что «иль узбеков» Ташкента он передал Дарвиш-хану⁵⁴. В 1580 г. в Ташкенте произошел бунт Тахир-султана и Абдулла-хан вновь организовал поход на Ташкент.

В 1582 г. Абдулла-хану удалось окончательно подчинить Ташкент. Но до того его войска шесть раз совершали завоевательные походы и только на седьмой раз ему удалось покорить город, который до этого не раз переходил из рук в руки. Как указывалось выше, пять сыновей Науруз Ахмад-хана: Дарвиш-хан, которому принадлежал Ташкент, Баба-хан, владевший Туркестаном, Хорезм-шах, правивший Сайрамом, Дуст-Мухаммад - Ахсикентом и Мухаммад-Амин - Анджианом⁵⁵, пытались объединиться в борьбе против Абдулла-хана, причем каждая сторона стремилась привлечь к себе на помощь отряды казахских султанов. Абдулла-хану в начале лишь временно удалось захватить Ташкентский оазис. При этом все, кто не подчинился ему, «расстались с женами, детьми и имуществом». С жителей была собрана большая контрибуция. Часть их, как свидетельствует Бадриддин Кашмири, была переселена в Бухарскую область.

В Ташкенте, в местности Каракамыш произошла встреча войск Абдулла-хана и Дарвиш-хана, в результате которой Абдулла-хан вынужден был отдать Дарвиш-хану Ташкент с прилегающими землями. Однако вскоре город захватил другой сын

Науруз Ахмад-хана Баба-султан, развернувший упорную борьбу с Абдулла-ханом. Он организовывал походы на Бухарскую и Самаркандскую области, пока не был убит казахскими султанами, на том этапе борьбы выступавшими уже как союзники Абдулла-хана. Ожесточенная борьба за города современного Узбекистана, в том числе и за важный торгово-ремесленный и культурный центр - Ташкент, служивший северо-восточными воротами Мавераннахра, завершилась победой Абдулла-хана II. Однако захваченный им Ташкент был разорен, разрушен, часть населения переселена в другие местности, часть бежала из города в поисках средств к существованию и более спокойных мест жительства. Один из очевидцев писал о положении ташкентцев в те дни: «Зажгли (в городе) огонь гнева. Сожгли все дворцы и айваны. Теперь там обитают лишь совы...»⁵⁶.

В результате побед Абдулла-хана II была достигнута значительная централизация государства, что в общем-то должно было благоприятно влиять на общее состояние экономики в стране. Однако способы, которыми достигалась эта победа, были столь разорительными для народа, что для восстановления хозяйства рядовых жителей потребовались бы многие годы мирного труда, что в тех условиях было невозможно. Многократные переходы Ташкента из рук в руки и осады города сопровождались опустошением окрестностей, изъятием у местного населения их скудного имущества.

Как видим, Ташкент - центр оседлоземледельческой культуры, был предметом постоянных притязаний многочисленных, особенно в периоды раздробленности государства, соседних правителей. Вражеские нашествия и внутренние смуты приводили к разрушению городских стен, зданий, ирригационных сооружений, что, в свою очередь, вело к засухе, неурожаю, общему ослаблению экономики города и прилегающих к нему районов.

Приведенный фактический материал представляет собой примеры упорной, почти непрерывной борьбы ташкентцев против нападений на город соседних правителей и иноземных завоевателей. Тяжелое положение осажденных жителей Ташкента отразили в своих записях летописцы тех лет: «Да сохранится он (Ташкент) от несчастий и бедствий!».

Труд и упорство простых людей были направлены на воссоздание разрушенных оросительных каналов, стен и зданий города, на восстановление разоренного хозяйства.

Свидетельства о разорении жителей Ташкентской области начальниками, предводителями завоевательных отрядов, отражены в сочинениях даже тех писателей, которые уделяли внимание лишь деятельности господствующих слоев населения. Историк джуйбарских шейхов Бадриддин Кашмири передает тревогу правителя Ташкента относительно того, что «если войска Абдулла-хана прибудут к городу, то вся область будет разорена»⁵⁷.

Последние годы правления Абдулла-хана II характеризовались внешнеполитическими неудачами. На севере активно действовал бывший союзник узбекского хана, ставший к тому времени ханом казахов - Таввакул. Он начал борьбу за присырдарьинские города и за Ташкент; на юге шах Аббас Сафавид вытеснил войска Абдулла-хана из Хорасана. Смерть Абдулла-хана II послужила сигналом к восстановлению независимости Хорезма.

Ослаблением центральной власти и воцарившимся в стране беспорядком воспользовались как внутренние, так и внешние противники государства Шайбанидов. В 1586 г. Таввакул-хан сделал неудачную попытку захватить Ташкент. В 1588 г. в Ташкенте вспыхнуло восстание против правившего здесь ставленника Абдулла-хана, в результате казахские султаны захватили Ташкент, хотя вскоре вынуждены были покинуть город⁵⁸.

Двоюродный брат вступившего на бухарский престол Абдулмумина - Хазара-султан возглавил выступление ташкентских султанов против центральной власти, но Абдулмумину удалось разгромить мятежных султанов.

Позже хан Таваккул во главе отряда (по преувеличенным данным, из 100 тыс. воинов) вторгся на территорию Бухарского ханства, захватил, кроме Ташкента, и другие важные центры: Туркестан, Андижан, Мианкаль, Ахси, временно даже Самарканд. Однако тяжелое ранение Таваккула на пути к Бухаре и его смерть в 1599 г. в Ташкенте приостановили его поход. Кровавопролитные сражения были временно приостановлены в результате заключения договора, по которому Ташкент был присоединен к владениям казахских султанов. Самаркандские войска обязались отныне не предпринимать походы против Ташкента.

В период правления первых Аштарханидов в Ташкенте закрепились казахские султаны, которых изгнала группеаузбекских султанов из вилаета Андижан. В 1610-1611 гг. Ташкентом вновь овладели казахские султаны. Они активно втягивались в политические события государства Аштарханидов и принимали участие в борьбе различных феодальных группировок и в военных походах узбекских ханов с целью завоевать соседние области. Среди правителей-казахов особо выделялся Турсун-Мухаммад, сын Джалым-султана.

Окончательно подчинить Ташкент попытался бухарский хан Имамкули. Правителем города и прилегающих земель он назначил своего сына Искандар-султана. Однако из-за неограниченного произвола, и, по словам Мухаммада Юсуфа Мунши, из-за того, что «этот царевич не угодил (ташкентскому) населению», он был убит.

По рассказу автора «Бахр ал-асрар», главари восстания заручились поддержкой племени курама, и когда из-за недовольства населения Ташкента Искандар-султан бежал из города; около Чиназа его окружили люди из племени курама и убили вместе с аталыком.

Взбешенный этими событиями Имамкули-хан с огромным войском выступил из Бухары к стенам Ташкента. В течение месяца он осаждал крепость, что свидетельствует о наличии мощных крепостных стен вокруг города. «Однажды, - свидетельствует автор «Мукимханской истории», - на утренней заре осаждающие подошли (одни из городских) ворот и те сгорели. Войска вошли через них в город и приложили (усилия мечей) к истреблению (всех) от старого до малого». «Получилось такое беззаконие, - восклицает Мухаммад Юсуф Мунши, - которого само время не помнило». Далее автор продолжает: «В тот день до полуденной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с однолетним младенцем». «Число убитых превосходило границы всего воображаемого и представляемого»⁹⁹.

Этот и другие примеры свидетельствуют о том, сколь драматичной была порой судьба рядовых жителей Ташкента и Ташкентского оазиса, несмотря на все трудности и лишения сочетавших мирный труд с борьбой против разорительных действий предводителей военных отрядов, нередко принимавших характер затяжной войны.

В XVI - первые десятилетия XVII вв. за Ташкентом уже окончательно закрепилось его современное название. В письменных источниках - повествовательных и документальных - все еще продолжало использоваться и древнее наименование - Шаш (Чоч, Чош), хотя в основном оно применялось уже больше как историческое, книжное понятие. Это положение подтверждает Захириддин Мухаммад Бабур, который в своих «Записках» отмечает, что «в книгах (название) Ташкент пишут Шаш, а иногда пишут Чоч»⁶⁰.

В другом месте своих мемуаров автор подчеркивает, что наименование Ташкент в то, т.е., его время, было уже основным. «Ташкент и Шахрухия, которые называются также Шаш и Бенакет», - пишет он⁶¹. Такое же содержание вкладывает в свое сообщение и автор историко-литературного произведения «Записки бухарского гостя» Фазлаллах ибн Рузбихан. «Ташкент и подвластные ему земли, которые называются областью Шаш», - читаем мы в «Михман-наме-йи Бухара»⁶².

К середине XVI в. относится выдержка из вакфного документа 1546 г., где в связи с перечислением жертвуемого в вакф имущества упоминается «округ Шаш, известный под именем Ташкент»⁶³, а в «Мактубат ва аснад» - сборнике образцов и копий официальных документов и частных писем, относящихся к XV-XVI вв., помещены два формуляра (один из них на узбекском языке - «тюрки»), в которых город назван Ташкентом, а его более древнее наименование вовсе не приводится⁶⁴. Автор мемуаров историк и поэт Зайниддин Васифи, часть своей жизни проведший при дворе ташкентских правителей, часто использует в своем труде только одно название - Ташкент.

Как видим, постепенно название Ташкент все больше вытесняло его древнее наименование - Шаш, Чач, что во второй половине XVII в. зафиксировал ученый-энциклопедист Махмуд ибн Вали: «Шаш - город на стороне реки Сейхун и относится к Туркестану; в пятом и шестом климатах, его также называют Чач, но в настоящее время он известен под названием Ташкент»⁶⁵.

Изредка в письменных памятниках встречается название данного города как Шашкент. Так, документ от 1590 г., оформленный в Самаркандском казихона, был составлен в связи с продажей жилого дома, находящегося «в Шашкенте, известном как Ташкент»⁶⁶.

Таким образом, анализ рассмотренных письменных источников, как и более ранних, показывает, что на протяжении двухтысячелетней истории столица нашей республики была известна под разными названиями: Шаш, Чач, Чаш, Бинкет и, наконец, - Ташкент. В XVI-XVII в., хотя и редко, но все же еще бытовало и древнее название города - Шаш, Шашкент.

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА

Территория, подвластная Ташкенту, в зависимости от политической и экономической мощи его правителей меняла свои границы, то включая присырдарьинские города и земли Ферганы, то теряя отдельные из них. По словам историка-энциклопедиста Махмуда ибн Вали, Ташкент «имеет много подвластных деревень и селений»⁶⁷, к их числу относятся Худжакат (Ходжикент), Газалкент (Газаркент) к востоку от Ходжикента и др.

В источниках неоднократно упоминается находившаяся на северо-западе от города местность Каракамыш, Курук-и Каракамыш, где в настоящее время располагается жилой массив под тем же названием. Автор «Мусаххир ал-билад» Мухаммад Йар бен Араб Катаган (XVI в.) уточняет, что Каракамыш находился в полуфарсахе от ворот Ташкента⁶⁸.

В документе конца XV в. указываются земли Карасуф (Карасу) - Карасуф-йири, принадлежавшие Убайдулле Ходжа Ахрару, и местность Аккурган, куда входил и район современной астрономической обсерватории⁶⁹. Эти названия сохранились до наших дней.

К северу от города за махаллей Чагатай располагался мост и местность Хатун Куфруги.

Важным военно-стратегическим пунктом была Шахрухия (Бинакент, Фанакент); через нее проходил древний торговый путь. «Неприступность крепости Бинкент (ныне Пскент), подвластной Ташкенту» отмечена Ходжа Самандаром Термези. По его словам, «эта крепость была исключительной высоты; око разума отказывалось обозреть ее, лестница крика и аркан взора были бессильны достичь зубцов ее стен»⁷⁰.

Одной из сильных крепостей Ташкента Хафиз Таныш Бухари называет Хаваст (Хавас). Здесь издавна пролегал караванный дорога. Тот же автор упоминает «известный кишлак» Ташкента

- Шираз, а также сообщает, что Испара - область, также подвластная Шашу⁷¹.

Махмуд ибн Вали характеризует Ташкент как город с хорошим климатом. Он относит его к Туркестану⁷².

Географическое положение Ташкента - одна из причин того, что его городская крепость была рассчитана на длительный отпор врагу в случае нападения. Историки приводят множество примеров, когда оборонительная стена, окружавшая город и героические усилия народа выдерживали длительную осаду, организованную политическими противниками, пытавшимися захватить Ташкент. Наиболее яркими примерами является то, что: город был захвачен Абдулла-ханом только после седьмого похода. Целый месяц осаждали город, прежде чем войти в него, войска Имамкули-хана. Независимый правитель Самарканда, Ялангуш-бий, располагавший огромной армией, покорил Ташкент лишь при третьем походе.

Мухаммад Салих Ташканди, известный историк XIX в., отмечает, что в XIV-XV вв. город был окружен высокими стенами, которые сохранялись, по его словам, и позже, при ташкентских правителях: Барак-хане (Науруз-Ахмад-хане), его сыне Дарвиш-хане и в период царствования Абдулла-хана II⁷³. Вместе с тем из сообщения Хафиза Таныша Бухари в «Абдулла-наме» явствует, что неоднократные осады города войсками Абдулла-хана привели к разрушению, по крайней мере, части городских стен Ташкента.

Автор «Мукимханской истории» Мухаммад Юсуф Мунши, описывая осаду Ташкента войсками Имамкули-хана (1608-1642 гг.), упоминает о таранах на валах, использовавшихся ташкентцами, что дает некоторое представление о ширине верхней части городских стен.

Городские стены защищали от вражеских нападений не только горожан, но в отдельных случаях и жителей соседних районов, которые при набегах чужеземцев не раз укрывались за стенами города. Один из подобных примеров мы находим в книге Мир Мухаммада Амин-и Бухари «Убайдулла-наме». По словам автора, когда на улусы казахского народа напали калмыки, «предавши (все) потоку и разграблению», «большая часть племен и родов казахского народа.. была взята в плен.. (и потому) казахи и племя каракалпаков из страха перед неисчислимым

войском.. калмыков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента»⁷⁴.

Объединенными усилиями ташкентцы и жители области нередко отражали нападения противников. Ходжа Самандар Термези сообщает, например, что подвластные ташкентскому правителю казахи, киргизы и каракалпаки помогли ему одержать победу над хивинским ханом Анушей⁷⁵.

Ташкентская крепость снабжалась проточной водой. В одном из документов отмечается, что из крепости (калья) Ташкента вытекала Аб-и Джуркан⁷⁶. Рядом с городом протекала река Шаш, называвшаяся также Парак (Фарак). Как свидетельствует Зайниддин Васифи, в XVI в. Об-и Парак (Чирчик) протекал в одном фарсах от Ташкента⁷⁷. В XVI-XVII вв. ее часто называли уже современным названием – р. Чирчик. По словам Махмуда ибн Вали, «в настоящее время», т.е. в 40-е годы XVII в. эта река была известна под названием Чирчик⁷⁸.

Сеть оросительных каналов покрывала территорию города и пригородов. Каналы Зах (Загарык, Зал арык), Кайкаус (в более позднее время известный как Бозсу, по некоторым данным - Барзун) и Салар (он же в вакфных документах Ходжи Ахрара называется Рудак) на протяжении многих веков были основными каналами, снабжавшими город водой. Мы полагаем, что вода Ташкента отличалась высокими качествами, что дало основание Васифи с восхищением отметить: «..Вода ее такова, что вода жизни спряталась от стыда во мраке..».

Многие из этих каналов были проведены еще в древние времена; значительные оросительные работы осуществлялись и в XVI в. К примеру в 1583 г. по указанию джуйбарского шейха Ходжа Саъада путем хашара с привлечением трудового народа был восстановлен большой канал Зах- арык на северо-востоке Ташкента.

Во время осады Ташкента противник нередко заграждал течение реки, стараясь приостановить течение воды в город. В такие периоды жители вынуждены были ограничиваться пользоваться водой хаузов и родников, которые служили источником воды в жаркий летний период, когда часть оросительных каналов, особенно мелких, высыхала.

Городская стена имела ворота. Согласно одним данным, в период правления эмира Темура крепостные стены Ташкента имели пять ворот. Одни из них именовались «Ворота Тюрк»

(«Дарваза-и тюрк»). Позже они стали известны под названием Аккурганские, а также Кашгарские ворота. В сообщениях авторов XVI в. встречаются названия шести ворот. По более поздним данным, в городских стенах размещались двенадцать ворот.

От городских ворот к центру города, которым в XVI в. считался базар Чорсу и медресе Кукельдаш, радиально, как бы веером, располагались отдельные улицы, часть которых носила названия той или иной специальности, которой занимались их жители, как-то: Пичокчи, Дегрез, Такачи, Темирчи, Чархчи, Заргарлик, Махсидуз и др.

Вокруг города раскинулись фруктовые сады, виноградники, цветники. Зайниддин Васифи много раз бывавший в окрестных садах Ташкента, особенно в чарбаге Кайкаус, где располагалась резиденция узбекских правителей - Шайбанидов, воспел в своих мемуарах сады и фрукты города⁷⁹.

По его словам, в ташкентских садах росли яблони, виноград, гранатовые, грушевые, айвовые, персиковые деревья, а также инжир. В окрестностях Ташкента много садов, ивовых деревьев, топей. Вдоль арыков росли фиалки. Самые лучшие сады, по мнению Зайниддина Васифи, в северной части города.

Над плоскими крышами домов жителей города возвышались здания караван-сарая, мечетей и купола надгробных построек.

К концу XV-XVI вв. относится возведение в Ташкенте ряда построек, которые сохранились и в наши дни. В настоящее время они отремонтированы и охраняются государством.

В районе Самарканд-дарваза был построен мавзолей Нуриддина ибн Саида Мухаммад ходжи (умер в 1511 г.)⁸⁰. На возвышенном месте Чорсу (современная площадь Чорсу) размещалось медресе Кукелдош, увенчанное голубыми куполами. Оно имело 170 худжр. Строительство медресе приписывается вазиру ташкентского правителя Кукельдашу, его «молочному брату». В пользу медресе, согласно вакфной грамоте, выданной от имени Дарвиш-султана, был передан караван-сарай.

Несколько поодаль от Кукелдош размещались мечеть и небольшое медресе, включавшее 21 худжру. Они были построены в 60-х гг. XV в. по распоряжению известного Убайдуллы Ходжи Ахрара. В 1541-1542 гг. зодчий Усто Гулям Хусейн участвовал в восстановлении мавзолея шайха Каффала Шаши (850-918 гг.), построенного несколькими веками ранее⁸¹.

До наших дней сохранилось также медресе Барак-хана, построенное в 1531-1532 гг. при Науруз Ахмад (Барак) хане. Красивое здание, выстроенное искусными мастерами, на протяжении столетий многократно ремонтировалось, первоначальную отделку его интерьеров и фасада в настоящее время можно представить лишь благодаря исследованиям историков и архитекторов. Здесь находится усыпальница Суюнч-ходжа-хана, воплотившая то высокое мастерство, которым владели зодчие Ташкента того периода. Высокохудожественная отделка усыпальницы ставит ее на один уровень с архитектурными памятниками Самарканда.

Гробница Шайх Хавенди Тахура, получившая известность как Шейхантаур, обросла в XVI в. и позже другими надгробными памятниками. Особое место в этом ансамбле занимает мавзолей Юнус-хана (умер в 1497 г.). В конце XV в. здесь был захоронен Юнус-хан, сделавший Ташкент столицей подвластного ему государства. Мавзолей, некогда заканчивавшийся сверкающим голубым куполом и представляющий комплекс построек, включавший «высокий гумбаз с худжрами», расположен западнее от гробницы Шайх Хавенди Тахура. Восемь его куполов были возведены из жженого кирпича и камня. Он сильно пострадал во время землетрясения в 1829-1830 гг., и вновь - в 1866 г. В настоящее время мавзолей восстановлен. Здесь же располагались медресе и мечеть Юнус-хана, выстроенные из жженого кирпича.

В людных местах, рядом с арыком располагались бани, в центре города - административные здания.

Недра Ташкентской области были богаты полезными ископаемыми, что способствовало развитию металлообрабатывающей и, если так можно выразиться, зачатков химической (использование для отбеливания тканей пепла от каменного угля) промышленности. Ряд населенных пунктов Ташкентской области возникли много столетий назад, рядом с рудниками.

В горах имелись богатые залежи железа, меди, свинца, бирюзы. Некогда в Шаше действовали рудники, где добывалось серебро - основной валютный металл страны, а также золото. Но постепенно часть этих богатств иссякла, другая - перестала разрабатываться в результате непрерывных междоусобных войн и неурядиц. В 40-х годах XVI в. рудники бирюзы и железа

упоминаются еще как функционирующие. Находившийся при дворе ташкентского правителя Науруз Ахмад-хана Зайниддин Васифи составил по его заданию в 1540 г. государственную грамоту на пожалование («ёбисат») сейиду Шамсиддину Мухаммаду Хорасани на правах сюргала всех пустошей и рудников Ташкентского удела, «кроме действующих разработок бирюзы, железа и чугуна». В его распоряжение передавались необработанные земли Ташкентского вилаета, которые «он сумеет использовать»⁸². Однако сто лет спустя другой автор определяет последние уже как бездействующие. В «Бахр ал-асраф манакиб ал-ахйар», написанном между 1634-1641 гг., Махмуд ибн Вали, характеризуя Ташкент и его область, пишет: «В горах имеются рудники бирюзы, железа и олова, но ныне они не разрабатываются». В другом месте своего сочинения он отмечает: «Гора Испара находится в пределах Шаша. В той горе имеются рудники нефти, бирюзы, железа, меди, свинца и золота, но ныне они не разрабатываются».

В Ташкентской области добывался и каменный уголь. «В некоторых горах Шаша, - сообщает автор, - встречается камень, который горит, как дрова, и пепел его чрезвычайно белый, и, когда стирают одежду, он заменяет мыло и ушнан»⁸³. Несколько раньше о том же сообщал и историк Хондамир. В Ташкентской области (Шаш), писал он, «имеется гора Ширэ, в которой находится много рудников, из которых добывается золото, железо, медь, бирюза и нефть. Здесь же имеется камень, который может гореть как уголь. Когда он сгорит, то останется чрезвычайно белый пепел. Этим пеплом белят материю, отчего она приобретает необыкновенную белизну»⁸⁴.

В более поздних источниках при перечислении полезных ископаемых, добываемых в горах к востоку от Ташкента, упоминается черный мрамор. Намогильные плиты из черного мрамора на захоронениях узбекских султанов-Шайбанидов свидетельствуют об использовании этого камня и в XVI в.

Вдоль р. Чирчик занимались промыванием золота; близ кишлака Паркент располагался Заркент, название которого можно объяснить обилием золота.

К более раннему времени относится сообщение другого автора о том, что вблизи Хаджистана (укрепленный пункт около горной цепи, соединяющейся с горами Илака) находились боль-

шие соляные копи. Отсюда соль «доставлялась в Шаш, Ходжент» и другие области⁸⁵. Относительно добычи соли в Ташкентской области говорит упомянутый Мухаммад Салих Ташканди⁸⁶. Приведенные свидетельства более раннего и более позднего времени позволяют предполагать, что соль добывалась в горах к востоку от Ташкента и в XV-XVI вв.

По более поздним данным, в горах Алатау добывали ложный ляпис-лазурь и продавали его на Ташкентском базаре от 25 до 40 тилля за пуд⁸⁷.

Согласно информации того же Мухаммада Салиха Ташканди, в горах, в рудниках размещались очаги и мастерские, остатки которых сохранились до его времени, т.е. до XIX в. Он отмечает также, что в горах Зарталош, к востоку от Ташкента, сохранились остатки мастерских мастеров золотых дел⁸⁸.

Работа в рудниках при низких технических условиях была чрезвычайно тяжелой.

Сведения источников дают основание считать, что разработка рудников в соседних с Ташкентом горах в течение столетий в зависимости от политических событий и экономического состояния области то усиливалась, то совершенно прекращалась.

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии централизованной разработки и добычи полезных ископаемых в Ташкентском владении того времени, а также об иерархической лестнице лиц, временно пользовавшихся доходами с рудника и трудом рудокопов. Временный характер владения каменоломнями и рудниками приводил в конечном итоге к тяжелой эксплуатации рабочих и преждевременному истощению богатств недр земли.

РЕМЕСЛО, РЕМЕСЛЕННИКИ И ТОРГОВЛЯ

Годы мирной жизни и временное прекращение военных столкновений благоприятно отражались на развитии хозяйства богатого земледельческого Ташкентского оазиса. В этот период создавались более благоприятные условия для развития сельского хозяйства и ремесленного производства, усиливались торговые и дипломатические связи с другими городами и странами.

Расположение Ташкента на границе с кочевой степью и рядом с рудниками гор было одним из стимулов развития здесь разнообраз-

разных отраслей ремесла, продукция которых предназначалась не только для местных жителей, но и жителей соседних оседлых районов, особенно населения степей.

Характер хозяйства и постоянный обмен между жителями города, прилегающих областей и кочевых степей содействовали тесным связям между ними. Потребность населения соседних степей в изделиях городского ремесла, особенно в хлопчатобумажных тканях, обуви и изделий из металла, а также некоторых видах продукции сельского хозяйства, и, наоборот, жителей оазисов – в продуктах степного скотоводства, всегда была характерной для экономики этого региона. Подобная взаимосвязь способствовала поддержанию производственной деятельности и торговых сношений кочевого и оседлого населения и усиливала роль Ташкента как экономического и культурного посредника между ними.

В Ташкенте, как отмечает Махмуд ибн Вали, жили обладатели разных ремесел, хотя часть горожан занималась одновременно и сельским хозяйством.

Здесь на местном хлопке большого развития достигло мастерство ткачей. Некоторые виды хлопчатобумажных тканей, особенно буз (карбас), чит в большом количестве доставлялись за пределы области, главным образом в кочевую степь.

Ткачи Ташкента пользовались пряжей, выработанной из местного хлопка. Применительно к XV-XVI вв. конкретными данными относительно развития шелкоткачества мы не располагаем. Можно, однако, полагать, что здесь изготавливали ткани не только из хлопковой и шерстяной пряжи, но и из шелковых нитей.

Имеются сведения о производстве в Ташкенте в более позднее время писчей бумаги. В начале XX в. в бумагоделательной мастерской, принадлежавшей «купцу Ахмаду», работали около 20 человек. Конкретные сведения о выделке высококачественной бумаги в XV-XVI вв. относятся к Самарканду, о Ташкенте данных об изготовлении бумаги пока не обнаружено.

В XVI в. в Ташкенте развернулась большая строительная деятельность. К этому периоду относятся возведение многих зданий, сохранившихся до наших дней.

Здания медресе и мечетей наглядно отражают уровень строительного дела в тот период, свидетельствуют о мастерстве разнообразных специалистов, участвовавших в их возведении, отделке и украшении.

Значительное строительство в Ташкенте, развернувшееся в конце XV-XVI вв., благоприятно отразилось на разработке и подготовке строительных и отделочных материалов.

Факты, свидетельствующие об уровне строительной техники и художественного оформления построек в тот период сохранились в остатках одной из ташкентских бань в районе бывшей улицы Караташ. По определению специалистов, особенностью этой бани являлись жаропроводные каналы. Полы и стенки ее были промазаны специальным раствором. Угловая круглая комната с круглым бассейном посередине - одна из интересных деталей этой постройки гражданского назначения. Многоцветные майоликовые плитки покрывали панели над суфами в раздевальне и в комнате отдыха. Вероятно, эта баня предназначалась «для узкого круга посетителей и входила в комплекс построек цитадели Ташкента XV-XVIII вв.»⁸⁹

Архитектурные памятники, монументальные культовые и гражданские сооружения, бани, водоемы, мосты, сооруженные руками народных мастеров, - живое свидетельство высокого мастера безымянных ташкентских строителей. До нас дошли имена немногих из них. Известно, например, что в 1541-1542 гг. полуразрушенный к тому времени мавзолей имама Каффала Шаши был восстановлен при участии Уста Гуляма Хусейна.

Монументальные постройки Ташкента свидетельствуют о существовании местных традиций архитектурного декора. «Школы мастеров южных областей Средней Азии (Северный Хорасан, Тохаристан, Кашкадарья, Бухара, Самарканд, Фергана, Хорезм, северные области Туркестана) отличались разнообразием архитектуры своего времени...». Своеобразием отличалась и архитектура Ташкента⁹⁰.

Традиционные навыки передавались в строительстве из поколения в поколение. Позже, после присоединения Средней Азии к России, приемы, накопленные мастерами на протяжении многих лет, находили применение при возведении построек в новой части Ташкента. Богатый опыт народных мастеров широко используется в настоящее время при строительстве новых современных зданий.

В Ташкенте издревле были развиты металлообрабатывающие ремесла. Разнообразны изделия металлистов, деятельность которых была связана с плавкой и обработкой металлов. Широко сла-

вились ташкентские котлы. Они доставлялись и в другие, особенно степные области. Сохранившееся до XX в. название «дегрэзлик махалласи», видимо, было известно и в средневековье.

В городе изготавливались сельскохозяйственные орудия. Местные кетмени размерами и лезвием отличались, например, от ферганских. Сырье для предметов из металла доставлялось из недр гор Ташкентской области. Определенный интерес в этом плане представляет указание Зайниддина Васифи о рудниках железа и чугуна в Ташкентской области.

В XVI в., как свидетельствует Захириддин Бабур, ташкентские лучники продолжали изготавливать луки, славившиеся по всей округе.

Умение изготавливать стрелы и лук ценилось высоко. Оценивая способности своего двоюродного брата известного историка Мухаммада Хайдара, Захириддин Бабур писал: «К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука - ко всему его руки были ловки»⁹¹. Упоминаются пернатые и бесперые стрелы.

Название улицы Укчи куча - Улица изготовителей стрел, вероятно, древнее. Надо полагать, что оно было связано с проживанием здесь в прошлом мастеров-лучников.

В акте от 20 мая 1590 г. называется мастер - Устод Абул Хиргохтарош. Хиргохтароши специализировались на изготовлении каркасов для особых палаток, предназначенных для высокопоставленных особ. Стенки таких палаток обтягивались двумя видами тканей в два слоя; внутренняя стенка - из шелка, наружная - из ткани наподобие брезента. Подобные палатки могли изготавливаться для аристократической части оседлого населения во время выезда их на отдых, охоту, в длительные военные походы⁹².

В Ташкенте жили и работали мастера, изготавливавшие гончарные изделия. У керамики Ташкента темуридского времени много общего с самаркандской керамикой. В то же время ташкентская керамика имеет некоторые локальные отличия, дающие основания полагать, что существовала ташкентская школа керамистов, которая продолжала местные традиции более раннего времени.

Исследователи-археологи собрали в настоящее время большую коллекцию изделий, найденных при раскопках у медресе

Кукельдаш и на Шайхантауре. Она свидетельствует о высоком качестве гончарной продукции ташкентских мастеров XVI-XVII вв.

Во второй половине XIV в. возник так называемый темуридский Ахсикет. К этому времени и в основном к XV в. относится сохранившийся глазурованный керамический материал: чаши, блюда, кувшины, горшки, вазы, детские игрушки. Они свидетельствуют о высоком уровне производительной деятельности гончаров этого городища, просуществовавшего до XVII в. Гончарное производство Ахсикета, как доказано исследователем, находилось на уровне ремесленного производства Самарканда и некоторых других среднеазиатских центров⁹³.

Часть мастеров вырабатывала кожи и изделия из них, особенно обувь. Из Ташкента вывозились высокие седла из лошадиной кожи и другие предметы ремесла.

Здесь же, видимо, изготовливались метательные машины (сангандоз), использовавшиеся, по словам Зайниддина Васифи, при обороне Ташкенской крепости⁹⁴.

Огромный медный ряд в Ташкенте, существование которого позже зафиксировано А.А.Семеновым⁹⁵, функционировал, вероятно, и в XV-XVI вв. Литье медных изделий было основано на добыче меди в горах близ Ташкента. Добыча меди, как и других ископаемых, в годы ослабления власти ташкентских правителей и при затяжных войнах и неурядицах обычно прекращалась. Один из таких периодов приходится на 40-е годы XVII в. и отмечен Махмудом ибн Вали⁹⁶.

В медном ряду Ташкента мастера делали и продавали разнообразную посуду, а также и медные изделия, сделанные в других городах. Описываются, в частности, большие и малые чаши, предназначавшиеся для размена монет саррафами. Шейки верхней части таких чаш, как и многих других медных изделий, покрывались каймой арабских надписей с соответствующим содержанием. В большие чаши помещали обычно медные и серебряные монеты, в малые - золотые.

Медники изготовляли афтоба, чаши для воды или вина, а чеканщики покрывали посуду разнообразным орнаментом и письменами.

В разных местах под Ташкентом в каменоломнях добывали мрамор. Из мрамора могли выделываться предметы бытового

назначения, в том числе блюда, а также медицинскую посуду, в которой готовили и хранили готовые лекарства⁹⁷. Подобные изделия, особенно с искусно выгравированными надписями, сохранились в музеях и вызывают в настоящее время восхищение современников.

Прикладное искусство - резьба по металлу и камню, тиснение по коже, разрисовки папье-маше, из которого изготавливались пеналы, - находилось на сравнительно высоком уровне. Чернильницы для знатных лиц покрывались богатой золотой насечкой: пеналы из папье-маше расписывались по лаку художниками. Пеналы, тростниковые перья, чернильница тонкой художественной работы - необходимые принадлежности каллиграфа, чей труд высоко ценился и в Ташкенте, можно увидеть на среднеазиатских миниатюрах.

Из тыквы-травянки (кавак) делались флаконы для хранения насвая, кашкули, подвешенные на ремешке и служившие дарвишам для сбора подаяния.

Искусство изготовления ремесленных изделий передавалось по наследству. Вместе с тем практиковалась подготовка ремесленников и со стороны. Прием ученика на обучение со стороны оформлялся письменным договором. До нас дошли 25 договоров, оформленных в 1589-1591 гг. в Самарканде. По содержанию этих договоров видно, что в основном это были мальчики, не имевшие отца, поэтому договор оформлялся от имени его матери и мастера. О тяжелом юридическом и экономическом положении учеников-полусирот свидетельствуют как упомянутые договора, так и данные из рисоля ремесленников. Подобные же письменные договора, надо полагать, составлялись при приеме ученика на обучение ремеслу к мастеру-усто и в Ташкенте. До нас дошли такие документы, оформленные ташкентскими казиями в связи с актом купли и продажи недвижимости. Протокол свидетельских показаний, сделанных в присутствии ташкентского казия был составлен, например, 24 июля 1514 г. в «судебном присутствии прекрасного города Ташкента»⁹⁸.

Ремесленники объединялись в цеха по специальностям. В сочинении Зайниддина Васифи помещена грамота нишан, на пожалование должности главного портного мастеру Хусейну Портному Шахрухии. Согласно нишану, он признавался стар-

шим портным (старшиной цеха портных) в городе и области Шахрухий. Ему должны были повиноваться все, имеющие отношение к этой специальности. Из цитированной выше грамоты мы узнаем имя еще одного старшины цеха портных - Али Портного.

Приведенный материал мы можем отнести и к Ташкенту, тесными экономическими и политическими узами связанному с находящейся вблизи от него Шахрухией. На основании фактических данных, касающихся Самарканда и Бухары, можно полагать, что в Ташкенте ремесленники объединялись в цеха, возглавляемые старшиной по специальности. Старшине цехов Ташкента подчинялись ремесленники соответствующей специальности прилегающих областей.

Конкретных фактов о положении ремесленников Ташкента и социальном расслоении в их среде в тот период у нас мало. Поэтому для выявления состояния их в целом мы вынуждены использовать более поздние свидетельства, а также конкретные материалы письменных источников, относящихся к Бухаре и Самарканду рассматриваемого столетия. Например, в результате политических неурядиц, неустойчивого экономического развития, опустошительных войн в конце XV в. и в отдельные десятилетия XVI и XVII вв. наблюдалось разорение значительного числа ремесленников Бухары и Самарканда. Об этом говорят многочисленные документальные материалы. Видимо, также обстояло дело и в Ташкенте. Документы, составленные в двух упомянутых городах Средней Азии, отражают широкую практику заклада лавок-мастерских и жилых домов. Огромное количество доходных заведений, что также констатируется официальными актами, перешло в руки крупных землевладельцев в результате «окончательной их продажи» прежними владельцами. Обычно при оформлении купли-продажи в акте указывалось, окончательно ли продан данный объект, или он заложен, но не продан. Пример тому - продажа «окончательной продажей» (а не передача в заклад) хаули в Ташкенте, включавшего жилой дом и айван, согласно казийскому документу 1590 г. В действительности же, в обоих случаях окончательным результатом был переход доходных заведений в руки крупных духовных и светских землевладельцев. Только за четыре года - в 1588-1591 гг. в Самарканде, согласно документам из сборника «Маджмуа-йи

васаик», было заложено значительное число дуканов - ремесленных мастерских и мелких лавок. Приблизительно так же обстояло дело и в Ташкенте, население которого испытало большие лишения в результате неоднократной осады города, принудительного участия рядовых жителей в военных походах и общего тяжелого положения в стране.

Ремесленники составляли заметную часть городского населения Ташкента. Некоторые из них занимались ремеслом в основном в зимнее время, летом переключаясь, главным образом, на сельскохозяйственные работы. Собственный дом, мастерскую в городе и сад с земельным участком за городом имели лишь обеспеченные мастера.

В социально-экономическом отношении ремесленники не представляли единого целого и подразделялись на несколько групп. Одни из них имели свои лавки-мастерские и одновременно вели торговлю. Эти ремесленники находились в относительно благоприятных условиях по сравнению с другими категориями производителей. Другая часть их не имели возможности реализовать свою продукцию сами и передавали ее тем, кто имел дуканы. Третьи снимали в аренду дуканы, принадлежавшие богатым землевладельцам и вакфным учреждениям, регулярно выплачивая за пользование ими. Были и мелкие производители, которые не имели ни лавчонки, ни мастерской, ни орудий труда. Они вынуждены были жить у хозяина и работать в его мастерской, получая за свой труд мизерную плату в конце договорного срока, а порой лишь за еду и одежду.

Тяжелым было положение учеников. На конкретных примерах нами доказано, что ученики, нанимавшиеся на обучение к мастеру со стороны, в массе своей происходили из сирот и полусирот⁹⁹.

В актовых материалах сохранились некоторые сведения о налоговых сборах с населения Ташкентского вилаята, а именно: мал, харадж, ясак, улпон¹⁰⁰.

В целом здесь практиковались те же налоговые сборы и подати, что и в других областях, но бремя их многократно усиливалось в результате частых нападений на город.

Определенная часть ремесленников проживала в специализированных кварталах, что в какой-то мере отражало роль ремесленных корпораций как организационных центров мелких производи-

телей соответствующих профессий. При этом некоторые специалисты, например, ювелиры, проживали в центре города, ближе к окраине располагались мыловары и кожевники. У въезда в город размещались ковальщики - наылбандон (токачи); рядом с проточной водой работали набойщики тканей - читгары, изготовлявшие в Ташкенте набивную ткань - чит.

До нас дошли названия некоторых из ташкентских кварталов, в том числе: Дегрез, Кулалгаран, Заргарлик, Махсидуз, Пичокчи, Парчабаф, Такачи, Темирчи, Чархчи и др.

Большинство дуканов были одновременно и ремесленными мастерскими, и торговыми лавками. Но были и другого типа мастерские - кархана, где изготавливалась продукция, розничная реализация которой осуществлялась вне мастерской. В дуканах продавались, а иногда и изготавливались металлические, ювелирные, керамические изделия, одежда, оружие и т.п. Существовали специализированные ряды медников, кузнецов, чугунолитейщиков, кондитеров, пекарей и др. Значительная часть продукции ремесла шла не только на удовлетворение потребностей горожан и сельских жителей области. Некоторые изделия - ткани, отдельные виды обуви, котлы, посуда, оружие доставлялись в дальние страны.

На ташкентские базары прибывали за покупками и для реализации своих товаров жители соседних областей. Порой это отражалось на названиях отдельных базаров, например, Казах-базар, где продавалась в основном продукция жителей кочевой степи. Сюда пригонялся скот (в основном бараны, верблюды, лошади), привозили продукты скотоводства, кошмы и другие предметы ремесленников-скотоводов. Здесь же продавались некоторые товары, необходимые кочевникам и полукочевникам.

Были и другие базары, связанные с товарами, доставлявшихся из других регионов. Один из них Булгар-и бозор. Здесь продавалась кожа и обувь «булгари», которые с давних времен поставлялись из Булгарского царства на Волге, а позже кожа «булгари» выделялась в Бухаре¹⁰¹.

Основной базар Ташкента – Чорсу в XVI в. располагался приблизительно на том же месте, где он функционирует и в настоящее время. Вокруг этого центрального рынка концентрировались специализированные торгово-ремесленные ряды, рас-

полагавшиеся под сплошным крытым навесом. К Чорсу направлялись все улицы города, в той части, которая подходила к рынку, они были обстроены с обеих сторон дуканами.

Из Ташкента в соседние области вывозились разнообразные местные и транзитные товары. В перечень вывозимых из Ташкента товаров (XVII в.) Махмуд ибн Вали включает: черное просо, цитварную полынь - дармана, нашатырь и меха. Отсюда же, по его словам, вывозились рабы. «Из товаров Шаша, - пишет автор, - черное просо, являющееся в остановлении кровотоечения из живота непревзойденным средством, дармана, нашатырь, невольники из калмыков и мех»¹⁰².

Часть населения Ташкента составляло крупное купечество. Оно занималось оптовой торговлей с купцами других городов и государств. Такие названия, как Самарканд-дарваза (Самаркандские ворота), Баб-и Мачин (Китайские ворота), «Дорога в Сайрам», «Дорога в Урта-сарай», встречающиеся в исторических сочинениях и документах¹⁰³ XV-XVII вв., свидетельствуют о широких международных связях Ташкента. Караваны, нагруженные изделиями ремесла и продукцией сельского хозяйства, направлялись в далекие страны. Через Ташкент перевозились и транзитные товары. Некогда северная торговая дорога из Средней Азии в Китай шла через Ташкент. Южная ветка этой дороги вела в Фергану.

Крупные купцы обеспечивались охранной грамотой. Некоторые из них владели тарханскими грамотами, освобождавшими их от многочисленных торговых сборов по пути их следования по территории, подвластной данному правителю. За предоставленные им льготы они расплачивались с главой государства или области дорогостоящими подарками.

Приезжие купцы могли остановиться в Ташкенте в нескольких караван-сараях. На месте слияния рек Пскем и Чаткал, где образуется р. Чирчик, на пути из Ташкента в горы располагался караван-сарай с каменными стенами, существовавший еще в XVIII столетии¹⁰⁴.

В XVI в. наблюдается значительное развитие товарно-денежных отношений. Ташкентские правители чеканили монеты от имени хана - главы династии Шейбанидов.

Большую роль в Ташкенте, как и в других среднеазиатских городах, играло мусульманское духовенство. Им принадлежа-

ла значительная часть имущества в городе. Значительное число городских лавок, караван-сараяв, мастерских, мельниц и других доходных предприятий принадлежали в XVI-XVII вв. вакфным учреждениям, за счет доходов с которых обогащалась часть духовенства в лице мутаваллия, мударрисов, садров.

Неудивительно поэтому, что ташкентские правители в целях укрепления власти активно поддерживали представителей духовенства.

Приводим несколько свидетельств тому. Согласно ярлыку Суюнч Ходжа-Султана от 25 июля 1522 г. Саййиду (здесь сейид - мнимый или действительный потомок пророка Мухаммада) Фазылу Али, владельцу земельных наделов и нескольких селений в Фергане, предоставлялось право во время охоты проезжать на коне и прогонять своих собак по той местности, где садилась его охотничья птица. Никто, даже султаны, беки и государственные чиновники, не имели права препятствовать подобным его действиям¹⁰⁵.

Тому же Саййиду Фазылу Али, его сыну Саййиду Гуё Мухаммад ходже и сыну последнего Саййиду Захиду на правах сукургала и в дарубест были переданы земли местностей Короскон, Адак, Говхана и Кизилрабат. Налоговые сборы с этих земель поступали в их пользу. Как отмечается в нескольких ярлыках, 12 тысяч золотых динаров, которые причитались с податного населения Ахсикентского вилаята, удельный ташкентский правитель Науруз Ахмад-султан, позже занявший самаркандский престол и приобретший титул узбекского хана, уступил указанным сайидам. Эти права сайидов были подтверждены и следующим правителем Ташкента - сыном Науруз Ахмада - Султаном Мухаммад Дарвишем¹⁰⁶.

Согласно указам, выданным упомянутым сайидам правителями Ташкента, государственные чиновники не имели права: выгонять с подвластных сейидам земель жителей для выполнения принудительных работ - «черикуён, укиш, мардикар»; давать хавала, т.е. письменное распоряжение (доверенность) на выполнение «кох, захира и тирчуб»; взимать с них сборы в пользу «накорачи и наърачи». Перечисленные сборы должны были поступать в распоряжение самих указанных сейидов. Труд податного населения они полностью использовали в своих поместьях. Сайид Фазыл Али и его потомки имели своих сбор-

щиков налогов. В ярлыке, выданном от имени Науруз Ахмад-хана, называются двое из них - Джаббарберди и Поянда.

Крупное духовенство Ташкента выступало одновременно и в роли землевладельцев, и в роли купцов. Крупным землевладельцем и купцом, активно участвовавшим во внутренней и внешней торговле, был Убайдулла Ходжа Ахрар (род. в 1404 г.). В документе упоминаются земли Ходжа Ахрара, находящиеся в долине р. Чирчик выше Ташкента¹⁰⁷. Ходжа Ахрар имел большое влияние на государственные дела.

Часть мельковых земель в Ташкентской области принадлежала другому крупному представителю духовенства - Ходжа Сааду Джуйбари.

Об усилении влияния духовенства в конце XV-XVI вв. косвенно свидетельствуют возведение значительного числа монументальных зданий медресе и мечетей, основные из них перечислены выше. Усиление роли духовных сановников отразилось и на росте вакфного имущества.

Ходжа Ахрар учредил в конце XV в. вакф в пользу соборной мечети и квартальной мечети (масджид-и хай), а также медресе в Ташкенте. Вакфный документ, составленный не позднее 20 февраля 1490 г. от имени Убайдуллы Ходжа Ахрара, включает многочисленные владения, расположенные в виллоете Ташкент, в том числе мельковые земельные участки и селения.

ИСКУССТВО, НАУКА И КУЛЬТУРА

В конце XV-XVI вв. в Ташкенте происходят значительные сдвиги в развитии культуры. Именно к этому времени относится возведение зодчими большинства монументальных зданий старого Ташкента, дошедших до наших дней. В их числе: построенные из жженого кирпича, увенчанные куполами медресе Кукельдаш, медресе Барак-хана (Науруз Ахмад-хана) - один из красивейших памятников XVI в., мечеть и медресе Ходжи Ахрара, гробница Юнус-хана и др. В XVI в. был восстановлен мавзолей Каффала Шаши. К тому же столетию Зайниддин Васифи относит устройство «вне крепости» Ташкента чарбага Кайкаус. По словам писателя, сад-чарбаг был построен по приказу шайбанида Суюнч Ходжа-хана.

Строительство и художественное оформление монументальных культовых и гражданских сооружений, то, что они сохранились до наших дней, живописно вписываясь в комплекс современных построек, - отражение высокого мастерства и знаний в области геометрии, математических расчетов и строительной техники безымянных ташкентских мастеров - строителей, архитекторов и художников тех лет.

О состоянии литературы, поэзии и искусства в Ташкенте 20-30-х годов XVI в. мы узнаем главным образом из мемуаров Зайниддина Васифи. Писатель оставил ценные сведения о культурной жизни города, о творческих контактах ученых, художников и литературных деятелей. Зайниддин Васифи сообщает, например, что «однажды в саду Кайкаус.. собралось большое количество ученых, поэтов и просвещенных людей Ташкента...»¹⁰⁸. Особую ценность представляет информация Васифи об активном участии в городской жизни ремесленников, из рядов которых происходили многие упоминаемые в его мемуарах поэты и писатели. Произведения Зайниддина Васифи пользовались большой популярностью не только при его жизни, но и в последующие столетия.

Тесными узами был связан Ташкент с такими центрами культуры, как Самарканд, Герат, Бухара, Шахрухия.

На литературных меджлисах, проводимых в саду Кайкаус, Лаглагане - «одной из летовок Шахрухия» и в самой Шахрухия, состязались поэты, ученые и острословы не только Ташкента, но и других городов. Активное участие в них принимал поэт и историк Зайниддин Васифи, до приезда в Самарканд и Ташкент неоднократно являвшийся почетным гостем самых утонченных литературных диспутов гератской аристократии.

На таких меджлисах Зайниддин Васифи часто выступал с сообщениями о знаменитых писателях, ученых и поэтах, знакомил с рассказами и преданиями об Алишере Навои. Характерно указание Васифи, что участники литературных собраний тщательно записывали все то, что касалось жизни и деятельности Навои. Здесь же читались вслух «Шах-наме» Фирдоуси, произведения Абдурахмана Джами, классические сочинения других авторов. В 932 г.х. (1525-1526 г.) в торжественной обстановке, при большом стечении просвещенных людей Ташкента, Самарканда, Бухары эмир сейид Джалалид-

дин Маргинони преподнес Кельди Мухаммаду ответ на касыду Абдальваси Джебели¹⁰⁹.

Все это - яркое свидетельство высокого для того времени уровня литературной жизни в Ташкенте, освоения местными литературными кругами традиций Самарканда, Бухары, Герата и других городов Востока, дальнейшего развития культуры.

Об уровне образования, миниатюрной живописи и каллиграфии свидетельствуют следующие факты. Правителю Ташкента Кельди Мухаммаду - Султан Мухаммаду (умер в 939/1532-33 г.), возглавлявшему литературные диспуты, художники и каллиграфы обязаны были подносить свои произведения. Так, в сентябре 1521 г. миниатюрист Джамалиддин Юсуф подарил Кельди Мухаммаду рисунок, на котором был изображен вооруженный царственный юноша, поражающий копьем тигра. Тот же художник прислал Кельди Мухаммаду карикатурное изображение некоего Ришадиддина Абуль Махасина. Зайниддин Васифи отмечает, что эта карикатура вызвала одобрение и развеселила ташкентского правителя. Васифи сообщает также, что писец Обид Хаттот преподнес названному правителю альбомы почерков знаменитых писцов¹¹⁰.

Известно, что в Ташкенте жил и другой каллиграф - Маулоно Ниймат¹¹¹.

До последнего времени для исследователей оставалось неизвестным посещение Ташкента поэтом и мыслителем Абдулрахманом Джами. Из писем-автографов поэта выявляется, что Джами посетил Ташкент. При третьей поездке в Мавераннахр, по пути в Ташкент, проезжая через Фараб и будучи под Ташкентом, сидя верхом на лошади, он написал письмо (адресатом, вероятно, был Алишер Навои), которое вошло в «Альбом Навои». В нем говорится:

«Нижайший Абдулрахман ал-Джами.

После выражения мольбы докладывается, что пятнадцатого (числа) месяца раби ал-ахир для испрашивания (благословения) у досточтимого Ходжи (Убайдуллаха) мы направились в Ташкент. Все друзья - здоровы и невредимы. (Мы) надеемся, что в скором времени вернемся. Просим извинить (нас) за небрежность, вызванную тем, что письмо писалось сидя верхом на лошади...»¹¹².

Абдуррахман Джами прибыл в Ташкент 13 июля 1479 г.¹¹³ Цитированное письмо, между прочим, включает и новые дополнительные материалы для выявления характера деятельности Ходжи Ахрара и его взаимоотношений с Джами.

Об относительно высоком для того периода культурном уровне определенных кругов города свидетельствует то, что секретарем ташкентского правителя Суюнч Ходжа-султана, а затем его сына, Абдал Латифа, был автор исторического труда «Тарих-и Абулхайр-хани» - Мас...уд ибн Усман Кухистани.

В Ташкенте бывал Захириддин Мухаммад Бабур, оставивший краткие, но ценные сведения о городе и прилегающих районах, о народностях, проживавших там, их вооружении и костюмах¹¹⁴.

Родился и большую часть жизни прожил в Ташкенте поэт Бадриддин Чачи. Его газели, касыды и рубаи были широко известны во многих странах Востока. Последние годы своей жизни он прожил в Индии. Одним из свидетельств его роли в общественной жизни того времени является то, что он стал известен под эпитетом «Фахр аз-Заман» («Гордость эпохи»).

В XVI в. в Ташкенте жил и творил Хафиз Султан Мухаммад, известный как Хафиз Кухаки. Он считался гордостью ученых Ташкента. Ему принадлежат комментарии к произведению Абд ар-Рахмана Джами «Шахри Мулла» и ряд других произведений. В 1528 г. в качестве представителя хакима Ташкентского владения он вошел в число послов, прибывших ко двору Захириддина Мухаммада Бабура в Агру. Бабур называет его «Хафиз», «Ходжа Хафиз», «Хафиз Ташканди». Наряду с другими послами из Мавераннахра Бабур пожаловал ему чекмень, а «также золото и серебро»¹¹⁵.

Позже Хафиз Кухаки вновь посетил Индию уже как известный ученый. В 1569 г. он был принят правителем Индии Акбаром. Здесь его знали как «величайшего ученого Хафиза Ташканди», который «имеет прекрасные произведения». Умер он в Ташкенте, видимо, в 1584 г.

Анализируя сочинения авторов начала XVI в., можно полагать, что в Ташкенте бывали известный узбекский поэт и историк Мухаммад Салих, анонимный автор исторического сочинения на узбекском языке «Таварих-и гузиде-и нусратнаме» и некоторые другие придворные писатели Шайбани-

хана. В Ташкенте родился автор «Тарих-и рашиди» Мухаммад Хайдар.

Позже, в 1625-1626 гг., в Ташкенте находился историк, автор «Шажара-и турк» Абулгази, ставший просвещенным правителем Хивинского ханства¹¹⁶.

Приведенные сведения прямо или косвенно говорят о том, что многие из тех, кто касался в своих книгах истории Ташкента, жили и посетили этот город, отразили то, что видели сами или слышали от непосредственных участников о событиях прошлых лет. Сам факт нахождения в Ташкенте в течение многих лет Зайниддина Васифи - видного поэта и писателя той эпохи, также свидетельствует о высоком уровне развития здесь культуры и в частности литературы.

Правитель Ташкента Суюнч Ходжа-Султан, как и его старший брат Кучкунчи-хан, ставший верховным правителем государства Шайбанидов, будучи внуками Улугбека, сыновьями его дочери Раби'а Султан-бегим, получили для своего времени хорошее образование. Этим объясняется тот факт, что имена Кучкунчи, Суюнч Ходжа и сына последнего - Кельди Мухаммада сохранились в истории не только как имена представителей династии Шайбанидов, но и как покровителей литературы, науки и искусства.

Однако судьбами поэтов и писателей правители Мавераннахра, в том числе хакимы Ташкента, нередко распоряжались деспотически. Тот же Зайниддин Васифи по приказу Кельди Мухаммада обязан был покинуть Самарканд, где он после приезда из Герата работал над книгами, которых, как отмечает сам писатель, нигде нельзя было достать, кроме Самарканда, и вынужден был прибыть ко двору Кельди Мухаммада, желавшего, чтобы поэты и просвещенные люди веселили его «сладкими рассказами»¹¹⁷.

Были в Ташкенте и свои врачи-табибы. В чарбаге (ча-хорбаге) Кайкаус, находившемся вне крепости, располагалась лечебница, где лечились раненые в боях узбекские султаны.

Большую известность получил проживавший в Ташкенте в XVI в. медик-окулист Убайдулла ибн Мухаммад Юсуф ал-Каххал. Он был личным врачом ташкентского хакима Дарвиш-хана. У него лечился упомянутый выше Хафиз Кухаки.

Каххал изучал труды по медицине Ибн Сины, Илаки, Абу Бакра ар-Рази, Джурджани, Нажибаддина Самарканди. Его перу принадлежит специальное сочинение по медицине «Шифа ал-алил» («Исцеление больного»), которое широко использовалось медиками следующих поколений, в частности, правителем Бухары Аштарханидом Субханкули-ханом, который в составленном им популярном медицинском труде использовал и сведения из сочинения Каххала. По распоряжению Субханкули-хана в Бухаре была построена лечебница «Дар уш-шифо», при которой имелась специальная медицинская библиотека. Субханкули и сам врачевал больных, используя при этом труд Каххала.

Кроме перечисленных ученых, в Ташкенте жили и другие деятели науки и культуры, в том числе Хамидаддин Ташканди (XV в.), Абу ал-Вадуд катиб (XV-XVI вв.), Яр Мухаммад Ташканди, Баки Джаррах Ташканди (XVI-XVII вв.), Шахаким Ташканди, известный как Халис (XVII-XVIII в.) и др.¹¹⁸

В рассматриваемый период в литературной жизни региона отмечается усиление роли узбекского языка. По приказу Суюнч Ходжа-султана несколько сочинений были переведены с персидско-таджикского на узбекский язык. Позже для сына Суюнч Ходжа-султана - Науруз Ахмад-хана переписана прекрасно оформленная рукопись «Бустон» Саади.

Особенно характерно то, что по поручению «султана султанов» Султана Мухаммада (Кельди Мухаммада), другого сына Суюнч Ходжа-султана, служивший ранее Темуридам Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насруллахи написал на узбекском (тюрки) языке всеобщую историю «Зубдат ал-асар». Последняя часть сочинения посвящена Шайбани-хану и его преемникам и доведена до конца жизни Суюнч Ходжи, т.е. до 1525 г. О событиях первой четверти XVI в. Абдаллах Насруллахи пишет как современник, отчасти, как участник отдельных из них.

На узбекском (тюрки) языке было составлено и несколько официальных документов ташкентских удельных правителей. В одном из них, адресованном даруге Ташкента (дата не указана), сообщается о своевременном выделении соответствующей части урожая в пользу государственной казны (дивана)¹¹⁹. Определенный интерес в отношении официального использо-

вания узбекского языка представляют и указы-ярлыки, изданные от имени Науруз Ахмад-хана, особенно в период, когда он был удельным правителем Ташкента¹²⁰.

Документы и образцы для их составления показывают, что канцелярское делопроизводство в Ташкенте рассматриваемого времени, в отличие от Бухары и Самарканда, велось и на узбекском языке.

Представители высокопоставленной аристократической части города сочетали литературные диспуты со спортивными играми. Состязались в стрельбе из лука по тыквам, клюшкой гоняли тыквы, сидя верхом на коне, играли в нарды, шахматы, в поло-чоуганбози¹²¹.

В систему воспитания будущего удельного ташкентского, а затем и верховного правителя государства Шайбанидов - Науруз Ахмад-хана входило, например, совершенствование в стрельбе из лука, верховой езде и других военных упражнениях; каллиграфии, музыке, пению, метрике и поэтике его обучал сам Зайниддин Васифи.

Эти факты свидетельствуют о сосредоточении в Ташкенте XV-XVI и отчасти XVII вв. значительных культурных сил. Однако бесконечные междоусобные войны, нападения предводителей кочевых племен, жестокая эксплуатация, распространявшаяся в равной мере и на деятелей культуры, не давали возможности широкому развитию литературы и искусства, основной движущей силой в области которых выступают в XVI в. торгово-ремесленные слои населения. Поэты и мемуаристы, историки, ученые и художники, существовавшие на заработок от своего ремесла, - поэзии, исторических книг, миниатюрной живописи, каллиграфии и т.п., полностью зависели от правителя.

В дальнейшем в Ташкенте наблюдается заметный спад в развитии культуры. Историк-энциклопедист XVII в. Махмуд ибн Вали так характеризовал состояние культуры его населения: «В прошлом оттуда вышло много благородных шейхов, видных ученых и обладателей различных учений. Но в настоящее время (т.е. в 40-х годах XVII в., годы, когда автор написал свое сочинение. - Р.М.) из-за постоянного бунта и заговоров совершение угодных Аллаху обрядов и приобретение образования совершенно затруднены»¹²².

Приведенные материалы говорят об определенном подъеме в развитии культуры и экономики Ташкента конца XV - отдельных десятилетий XVII вв. Этот вывод может помочь в уточнении периодизации истории Узбекистана рассматриваемых столетий.

Подводя итоги, можно отметить, что XVв., и, в определенной степени, XVII в. были для Ташкента и его оазиса периодом развития городской культуры, ремесла и торговли, развития в области экономической и культурной сферы и большого роста в этих сферах роли ремесленников.

ОЧЕРК 5.

ОТ РЕСПУБЛИКИ ЧЕТЫРЕХ ХАКИМОВ К ТАШКЕНТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ (XVIII в.)

Начало XVIII в. для г. Ташкента, как и для всего региона по р. Сырдарье, было тяжелым и смутным. Вплоть до 1723 г. Ташкент и Туркестан оставались под властью казахов. Здесь они были полновластными хозяевами, в то время как в Семиречьи их потеснили калмаки, положившие конец их независимому владычеству. Вместе с тем, все кочевья к северу от Ташкента и сам Ташкент постепенно подчинились джунгарам, которые создали на территории Центральной Монголии государство и распространили свою власть вплоть до Аральского моря. Ташкент в составе этого государства был крупнейшим оазисом оседлой культуры и важным источником доходов, поэтому политика джунгаров была рассчитана на прочное закрепление власти над городом. В интересах казны, здесь, впервые в Средней Азии, была проведена перепись домовладений Ташкента и для укрепления своего положения, завоеватели предприняли даже попытки распространить в Ташкенте ламаизм¹²³, однако успеха не имели. Основное же управление городом было доверено преданным казахским султанам-мусульманам.

В рамках обширного государства джунгаров некоторое развитие получила торговля в Ташкенте, чьи купцы часто шли с караванами в степь и даже доходили до русских пограничных городов в Сибири. В 1739 г. из Оренбурга в Ташкент был отправлен первый торговый караван русских купцов. Однако гнет джунгаров и опасности прохождения караванов через кочевья, значительно мешали развитию торговли. В 1740 г. ташкентские жители восстали против казахов – ставленников джунгар и убили в мечети хана Джульбарса, правителя Ташкента.

Горожане стремились освободиться от власти джунгаров. И, когда в 1758 г. Китай разгромил джунгарское государство, Ташкент формально стал считаться вассальным владением Китая. На самом деле, Ташкент оказался предоставленным самому себе, а для организации военно-полицейского управления в город был приглашен казахский хан с воинским отрядом. Одновременно было создано собственное управление «магистрат», который размещался в «кале» около Кукчинских ворот. Он занимался хозяйственными и торговыми делами. В Ташкенте правили ходжи, которые считались потомками пророка и представляли собой обособленное сословие. Из источников мы знаем, что вскоре Ташкент был захвачен калмаками, но в конце 50-х годов их государство пало.

В это же время Бухарское ханство переживало период политических затруднений. Династия Аштарханидов прекратила свое существование. Междоусобная борьба в ханстве ослабила внимание Бухары к Ташкенту. В результате сложной политической обстановки в регионе сложилась ситуация, в которой Ташкент стал как бы вольным городом. По сообщению Мухаммад Салиха Тошканди, в это время город состоял из четырех независимых друг от друга частей или «даха»: Шейхантаурской, Бешагачской, Кукчинской и Себзарской. Каждой частью управлял ходжа. Правление их именуется «периодом четырех правителей» — «чар хоким», по аналогии с «чаряр», первыми четырьмя праведными халифами. Каждый из хокимов представлял какую-то политическую партию или же был сторонником разных ханств Туркестана. Шейхантаурской даха управлял ставленник казахского хана, Бешагачской — потомок бухарских Аштраханидов, Кукчинской — потомок Чагатай-хана (Чингизида), Себзарской — Джучи-хана (также Чингизида). Мухаммад Салих пишет: «Они осуществляли управление страной, власть и правосудие по отношению к подданным в подвластных местах Кипчакской степи совместно, по взаимному соглашению. При отражении неприятеля выходили на бой по очереди»¹²⁴.

Безусловно, Ташкент, по своей сути, был феодальным владением, но все же, такую форму управления, при которой хокимы избирались, можно назвать своеобразной республикой¹²⁵.

Однако между хокимами не было согласия, каждый стремился подчинить других своей власти. Это кончилось вооруженной борьбой за верховную власть, в которую было втянуто насе-

ление всех даха. Обычным местом сражений был район Джангох на арыке Джангоб, вблизи городского базара. Нейтральной территорией считался только городской базар, который продолжал свою деятельность даже во время боев. Внутренние распри, конечно, не проходили бесследно для города. Он стал объектом постоянных грабительских нападений кочевников степи и даже потерял некоторые пригородные земельные районы – мауза. В этой борьбе одержал победу Юнус-Ходжа – сын умершего хокима Шейхантаурской части города, который считался потомком Шейхантаура и носил прозвище «Банги». Он явился в Ташкент в 1784 г. с небольшим отрядом, состоящим из казахов и небольшого числа горожан, претендуя на место своего отца. Предание гласит, что его успех немало зависел от «единственной пушки, отлитой из собранной у населения медной посуды».

По сообщению Хакимхана, автора «Мунтахаб ад-таварих», Юнус-Ходжа имел поддержку со стороны Кокандского хана, через его наместника в Ходженте. В Ходженте было немало казахов, существенную помощь Юнус-Ходже оказал и сам казахский хан – Аблай-хан, который стремился к созданию единого централизованного казахского государства. Старейшины города поддержали Юнус-Ходжу и он быстро заслужил доверие горожан, которые объединились вокруг него. С приходом к власти Юнус-ходжи, создается Ташкентское государство, которое вело независимую политику и имело свою армию.

Юнус-ходжа, по некоторым архивным материалам, отправил посольство к русскому правительству в Санкт-Петербург с просьбой о военной помощи и техническом содействии. Царское правительство в военной помощи отказало. Юнус-ходжа просил также направить в Ташкент инженеров, так как считалось, что в горах Карамазара есть золото, и Юнус-ходжа хотел начать его квалифицированные поиски. В 1800 г. в Ташкент прибыли инженеры М.Поспелов и Т.Бурнашев. Они оставили записки о пребывании здесь, со сведениями о политическом положении Ташкентского владения, которые во многом подтверждают сведения Хакимхана. Так, они пишут: «Владельцы Ташкента стремились к тому, чтобы быть повелителями и в одном городе Ташкенте имели свое вооружение и своих подданных... Соседние владения, особливо Куканское, могущественное, пользуясь раздорами присвоило себе ближайшие се-

ления... Тогда утомленные междуусобием, граждане с помощью Ходжанского владельца, благопритествовавшего Юнус-ходже, свергнули иго прочих владетелей»¹²⁶.

Используя благоприятную обстановку, горожане, вслед за организацией центрального органа власти и управления, приняли решительные меры к восстановлению оборонительных сооружений города. Юнус-Ходжа мобилизовал на восстановление оборонительных стен все мужское население. Каждой из 150 махаллей был указан участок стены, который они должны были восстановить методом хашара. Каждый пользовался своим инструментом и рабочим скотом. Объем ремонтных работ был большим, во многих местах наращивалась высота стены. На определенном расстоянии стена расширялась для установки артиллерийских орудий. Особо защищались въездные ворота. В начале XVIII в. их было восемь: Бешагачские, Терсарыкские, Самаркандские, Кукчинские, Тарсахан, Капка, Тактакус, Шейхантаур. Инженер М.Поспелов указывал, что в 1800 г. было всего шесть ворот. Таким образом, можно заключить, что во время ремонтных работ двое ворот были забутованы.

В начале XIX в. Терсарыкские ворота стали называть Камаланскими. Около них сложилось кладбище с мавзолеем Ходжа Аламбардора. Тарсаханские ворота стали называться Чагатайскими, по названию селения Чагатай, к которому через них вела дорога. Ворота Капка получили название Карасарайские в связи с сооружением на этой дороге зякетного пункта, т.е. пункта сбора пошлины. Тактакусские ворота названы Тахтапульскими, т.е. воротами у деревянного моста через арык Калькауз.

После ремонта высота городских стен стала около 8 м и толщина около 2 м у подошвы. Укрепление городской стены было важным мероприятием против набегов кочевников, что предопределило условия для мирной жизни горожан.

Историю Ташкента времени правления Юнуса-Ходжи и независимого Ташкентского государства описывает Мухаммад Солих кори Тошканди в мемуарном произведении «Тарих джадиде-и-Ташкент», законченном в 1875 г. Рукопись хранится в Институте востоковедения АН РУ.

После победы Юнус-Ходжа начал формировать управленческий аппарат государства. По словам Мухаммада Солиха Тош-

канди, в организации его главное участие приняла феодально-племенная знать кочевников. На пост аталыка был выдвинут Рустам Тура. На должность парваначи – Адыл Тура, а главнокомандующим стал Бабахан Тура. Сам же Юнус-Ходжа был назначен единогласно «вали вилояти» (правитель области). Однако ремесленно-торговая часть ташкентского населения внесла в систему государственного управления существенные изменения. О них мы узнаем из сообщения русского посланника Д.Телятникова¹²⁷, который ездил в Ташкент в 1796-97 гг. По его словам, во главе Ташкентского государства находился «владелец» - хан, который именвал себя ишаном. Он решал все военные и гражданские дела государства. Ишан пользовался исключительным правом назначать высшую меру наказания – смертную казнь, а также конфискацию имущества, разбирал уголовные дела – воровство, убийства, контрабандный вывоз пороха, свинца и оружия.

Ближайшим помощником «владельца» был башчи-ходжа – высший сановник, во власти который занимался маловажными разбирательствами. Он наблюдал за состоянием внешней и внутренней торговли. Следующим по рангу был казий. В его обязанности входил суд и разбор брачных и спорных дел жителей города. По отзыву Т.Бурнашева и М.Поспелова, «Ташкентский Владелец» (Юнус-Ходжа) употребляет неограниченную власть над жизнью и именем его подданных, но власть сию часто приводит в исполнение по совету с лучшими своими чиновниками... В таких советах участвуют первостепенные Хожи, в усердии и преданности коих Владелец уверен).

Местом пребывания Юнуса-Ходжи и аппарата чиновников была построенная по приказу Юнуса-Ходжи крепость-Урда, обнесенная глинобитными стенами, по высоте превышающими городские укрепления. В Урде располагался также монетный двор и пребывал некоторый контингент караказанов (воинские отряды самого владельца и чиновников).¹²⁸

Ташкентское государство включало ряд земель, и на местах представителями власти были беки, которые пользовались административной, судебной и военной властью. Низовой аппарат управления состоял из аксакалов – выборных представителей общин, т.е. махаллей города. Их избирали главы всех семей махалли для руководства общинными делами. Они следили, главным образом за сбором налогов и осуществляли связь

между государственной администрацией и общинным самоуправлением, подчиняясь непосредственно башчи-ходже.

Ташкентскому государству были подвластны и племена скотоводов, кочевавших в близлежащих степях. Они находились в ведении серкера, наблюдавшего за политическим спокойствием в степи и собиравшим с кочевников подати. Отправляясь на сбор податей, серкер всегда имел с собой вооруженный отряд. Чтобы держать в повиновении кочевые племена, в Ташкент забирались заложники из среды племенной знати, которые подвергались репрессиям, если племя высказывало неповиновение.

Судебные дела были в руках казиев и диван-беков из сословия профессиональных правоведов. Верховным судьей был хан. Лобным местом в Ташкенте считалась площадь Чорсу, Иски-Джува, иногда Хадра. Основным источник государственных доходов - платежи и сборы с населения. По отзыву современников, для назначения налогового сбора не было «ни числа, ни времени», т.е. установленных сроков, а сумма зависела «от соизволения правителя».

Государственные дела в необходимых случаях оформлялись письменными документами. Дела фиска отражались в «дафтах» - книгах канцелярии диван-беги, некоторые судебные решения также записывались. Форма и организация управления Ташкентским государством соответствовали организации всех феодальных ханств Средней Азии XVIII в., однако, они имели и некоторые особенности. Одна из них – наличие войска караказанов. Мухаммад Солих, как и Д.Телятников, указывают, что армию караказанов составляли личные отряды Юнуса-Ходжи, его сыновей и «лучших чиновников». К их числу относились выходцы из знати кочевников и городского населения. Каждый отряд караказанов находился в подчинении своего командира и квартировал в его усадьбе. Воины получали от него вооружение и коней. Каждому отряду Юнус-Ходжа вручал присвоенное ему знамя. При зачислении в отряд караказан получал себе «владение» для содержания себя и своей семьи, которая могла заниматься земледелием, ремеслом или торговлей. Воин освобождался от налогов и повинностей, но был обязан работать на полях своего командира.

Указанные авторы сообщают о том, что караказаны набирались, в основном, из беглых людей: калмаков, узбеков, ходжен-

тцев, бухарцев, казахов. Коренных ташкентцев было очень мало.

Войска караказанов имели фитильные ружья, доспехи, шлемы, щиты и несколько пушек. Боеприпасы и порох производили на месте в Ташкенте. М.Поспелов высоко оценил изготавливаемый в Ташкенте порох. Караказанов было немного – до 2 тыс. человек. Основные вооруженные силы Ташкента состояли из городского ополчения по 1-2 человека из каждого дома, а также из ополчения кочевых племен, главным образом, санычклы, канглы, багыз и рамадан. Численность войска достигала 50-70 тыс. Опираясь на эти силы, Ташкент восстановил свое значение в Чирчикской долине, вновь подчинив себе кочевые племена, обитавшие в междуречье Чирчика и Келеса.

Ташкентское государство начало чеканить свою собственную монету – тенга и вести независимую внешнюю и внутреннюю политику. На монету проставляли: «Мухаммад Юнус Ходжа Умари», на лицевой стороне - «бисмилла...». Иногда изображалась птица, парящая в воздухе, иногда тигр. Одна из важных особенностей Ташкентского владения - отсутствие совета знати при дворе государства. Все дела Юнус-Ходжа решал с представителями города. Аксакалы – старейшины четырех частей города, избранные на этот пост населением даха, составляли ханский совет, с которым он советовался и в народных, и в воинских делах.

Следует отметить, что существенную часть городского населения составляли крупное купечество и ремесленники, они и влияли поначалу на политику Юнуса-Ходжи. Все мероприятия, направленные на организацию мирной жизни и защиту торговли, проводились в интересах этой части населения. Оно же поддерживало военную политику Юнуса-Ходжи, направленную на обеспечение безопасности города.

Первые сведения о размерах города в это время приводит поручик Миллер, прибывший в Ташкент в 1740 г., а именно - четыре версты с севера на юг и с запада на восток. Эти сведения близки к истине. Можно сказать, что город занимал примерно 12 км². В центре был главный городской базар, от которого радиально расходились восемь улиц, ведущих к воротам города. Они связывали Ташкент с основными районами торговой деятельности жителей. Городская территория была засе-

лена неравномерно. Район даха Кукчи и Бешагач был застроен слабо и состоял в основном из зеленых массивов насаждений и фруктовых садов, о которых и сейчас напоминает, например, название улицы Алмазар в Бешагачской части. Обширные поля располагались в низинах вдоль улицы Арпапая. Густой застройкой отличалась Себзарская часть, в которой не сохранился сад поэтов на Калькаузе, где происходили меджлисы литературно-философского кружка в XVI в. Лишь в районе ансамбля Хаст Имам осталась большая роща старых чинар.

В Ташкенте было несколько базаров. Главный назывался Регистан. Примечательно, что эта базарная площадь сохранялась на протяжении столетий. Археологические раскопки фиксируют ее присутствие, начиная с X-XI вв. Главный базар современного города, увенчанный огромным куполом, традиционно находится на этом же месте. Около медресе Кукельдаш, на Чорсу, шла улица, застроенная чайханами, а в низине джара торговали скотом. Чорсу и улица, соединяющая ее с базаром, была местом размещения ошхан. На базаре Регистан торговали товарами среднеазиатского, индийского, персидского, китайского, кашгарского и российского производства. Активную деятельность проявляли ташкентские купцы, организовывая огромные караваны, уходящие в разных направлениях в степь к сибирским городам, в Кашгар, Индию, Афганистан.

В XVIII в. на городском базаре были только лавочки, где торговали готовой продукцией, а было ремесленное производство сосредотачивалось в махаллях. Махалля получала свое название в зависимости от специфики ремесла, например: Дегрез – махалля чугунолитейщиков, Игорчи – седельников, Парчабаб – ткачей, Махсидуз – обувщиков, Кунчилик – махалля кожевников и т.д. Ташкентское ремесло было ориентировано не только на внутренний, но и на внешний рынок. Особенно высокого качества было литейное производство. В XVIII в. оно имелось только в Ташкенте и базировалось на местном сырье, в других местах Средней Азии не сохранилось.

В Ташкенте существовало еще два крупных торговых центра. В местности Хаст Имам находился рынок скота, вокруг которого концентрировались ремесла по обработке продуктов животноводства. Другим важным рынком был Галля-базар – зерновой, по продаже продуктов полеводства. Он находился близ

Чорсу и снабжал зерном, главным образом, окрестные кочевья.

В XVIII в., по данным некоторых авторов, Ташкент вмещал около 6 тыс. домовладений или более 40 тыс. населения. Мухаммад Солих перечисляет категории ташкентских жителей. Для общего обозначения взят термин «фукара» (народ), под которым подразумевается зажиточное и бедное население. Им же выделена категория «акабор» (вельможи), «мутассадиян» (чиновники), «улема» (высшее духовенство), «ходимы» (царедворцы), «мулаземы» (ожидающие должности от хана).

Сложение Ташкентского государства завершилось к 1800 г., когда Ташкент распространил свою власть на левобережье Чирчика и кураминские районы. Южную и западную границы определяла река Сырдарья, на севере территория достигала г. Туркестана и предгорий Каратау. Восточная граница шла по Сайрамскому хребту и далее по правобережью р. Угама, на юго-востоке около Чаткальского и Кураминского горных хребтов, до селения Сангар. В западных и северных районах основную массу подчиненного населения составляли кочевники.

В начале XIX в. завоевание Ташкентского владения Кокандским ханством положило конец его независимому существованию, хотя первые попытки для кокандцев были неудачными. Первым из кокандских ханов, устремивших свои взоры на Ташкент, был Алим-хан (1798-1810 гг.). Мухаммад Солих считает, что инициатором враждебных отношений с Кокандским ханством был сам Юнус-Ходжа, который успешно отбил нападение кокандцев и, желая развить свой успех, сам двинулся на Коканд. Когда кокандские войска, под руководством Хана ходжи, были отправлены на Ташкент, Юнус-Ходжа со своим войском встретил его на берегу Карасу, нанес сокрушительное поражение и взял в плен Хана ходжу. Юнус-Ходжа в 1800 г. вернул отнятую Кокандом Кураму и направился походом в Коканд. Однако, переправившись через Сырдарью, он оказался, атакованным с двух сторон войсками кокандцев, и потерпел сокрушительное поражение. Вернувшись в Ташкент, Юнус-Ходжа слег и вскоре скончался.

Современники по-разному оценивали личность Юнуса-ходжи. М.Поспелов считает его твердым повелителем и правителем, умеющим вести дела с кочевниками, на которых он воздействовал не столько устрашением, сколько заключением союза с сильнейши-

ми представителями степной знати. Отмечали так же его заботу об улучшении экономического состояния государства, стремлении обезопасить торговые караваны, понимание необходимости развития местной металлургии. Купец Мухаммад-Ходжа Рахим оглы заявлял даже о миролюбии Юнуса-ходжи «ни с кем войны не начинает и содержит войско единственно к сохранению границ своих владений». По отзывам Д.Телятникова, это был предприимчивый и решительный правитель, деятельный в умножении хлебопашества, разведения садов и укрепления города. Хотя, по методам руководства государством, он оставался феодальным правителем, его можно считать выдающемся деятелем, во многом опередившим свое время. Он понимал роль ремесла, особенно металлургии, считая его основой мощи государства, активно поддерживал международную торговлю и, что главное, прислушивался к мнению торгово-ремесленной части горожан. Эта прослойка ташкентского общества была средой, где зарождались первые ростки капиталистических отношений, откуда вышла в будущем большая часть передовой национальной интеллигенции – джадиды.

После смерти Юнуса-Ходжи государственная власть оказалась в руках его сына Султан-Ходжи. В его правление кокандский хан Алим-хан начал систематическую борьбу за овладение Ташкентом, которая длилась более семи лет. По свидетельству Мухамада Солиха, кокандцы совершали ежегодно по два налета на ташкентские земли - в весеннее и осеннее время. Первый из крупных налетов был в 1801 г. «Это было осенью, когда ферганские войска подошли к Ташкенту с востока города и остановились лагерем в местности Фасра¹²⁹. Султан-Ходжа с войском вышел им навстречу, и в местности Сундук-курганча произошел бой¹³⁰». Ташкентцы проиграли сражение, а Султан-Ходжа попал в плен. Город приготовился к стойкой обороне, и кокандцы, даже закрыв плотину у крепости Ниязбек, не решились на штурм. Правителем ташкентского государства стал младший сын Юнуса-Ходжи Хамид-Ходжа, который признал зависимость города от Кокандского ханства. Эти обязательства не выполнялись, что вынудило Алим-хана Кокандского вновь пойти на Ташкент.

Предварительно он отсек от города окружающее кочевое население, и, усилив свою армию новыми отрядами, в 1808 г. осадил Ташкент. Кокандцы в нескольких местах взорвали обо-

ронительные стены и ворвались в город, сломив упорное сопротивление его защитников. Сам хан вошел через Бешагачские ворота и остановился в Урде Юнуса-Ходжи¹³¹. Алим-хан увел в Коканд 300 семей наиболее зажиточных купцов и ремесленников. Управление, созданное Юнус-Ходжой, было разогнано. Ташкент стал кокандским владением. После завоевания Ташкента Кокандское ханство продвинуло свои границы на север и запад вплоть до берегов Аральского моря.

Население Ташкента строило планы для освобождения от кокандской зависимости. Мухаммад Солих приводит как пример попытку восстания ташкентцев во главе с известным полководцем Рустамом Турой. Против Алим-хана также был составлен заговор, и все ждали возвращения Рустама Туры из кочевой степи, где он собирал сторонников. Заговор был раскрыт, и выступление ташкентцев жестоко подавлено. Ташкент считался одним из самых неблагонадежных городов Кокандского ханства. Вместе с тем возросла его роль как крупного торгового центра, а численность населения увеличилась до 150 тыс человек.

Ташкент управлялся наместником, носившим титул «бекляр бека» (бека беков), который правил обширными землями от имени Кокандского хана. Старая Урда Юнуса-Ходжи была скрыта, а оплотом власти стала возведенная на левом берегу канала Анхор новая крепость. Эта Урда обнесена высокими стенами с въездом по узкой дорожке. Внутри нее в свою очередь выстроили замок, укрепленный своей собственной высокой стеной и окруженный тремя рвами. Здесь обитал «бекляр-бек» со свитой. Вскоре территория Урды была расширена на север, и в этой части поселились выходцы из Кашгара – кашгарлыки. С их переселением Аккурганские ворота стали называться Кашгарскими. В самой Урде размещался также военный местный гарнизон, хотя часть офицеров селилась в Бешагачской даха. В результате всех перестроек оборонительная стена Ташкента получила 12 ворот.

Власть «бекляр беков» была безграничной, и они часто противопоставляли себя Кокандскому правительству. Известен случай, когда, воспользовавшись смутами внутри Кокандского ханства, наместники Ташкента объявили о своей независимости, но формально подчинились Бухаре. Один из правите-

лей Ташкента Абдаррахманбек, который был сторонником Бухары, как в свое время Юнус-Ходжа, решил захватить Коканд, однако эта попытка окончилась неудачей. В самом Коканде шло противостояние кипчакам, которые вошли в город и сделали правителем своего ставленника Худояр-хана. Затем они обратили свои взоры на Ташкент, посадив там также своего сторонника Азиза. Господство кипчаков продолжалось до середины 50-х годов XIX в. Они с презрением относились к оседлому городскому населению, что не раз вызывало законное возмущение ташкентцев, которое жестоко подавлялось.

В такой ситуации усобиц и борьбы партий внутри ханства, на севере появилась новая угроза - границам Кокандского ханства на сей раз угрожала Российская империя...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ташкент глазами американского дипломата и путешественника (вторая половина XIX в.)

Одним из примеров проявления свободолюбия ташкентцев было сопротивление города войскам царской России в 1864-65 гг. Город отчаянно противостоял неприятелю. Был объявлен гават - война против неверных. Однако, в этот сложный период в самом городе боролись различные группировки. Одни поддерживали кокандцев, которые владели Ташкентом, другие апеллировали к Бухарскому эмирату.

Отсутствие единства, распри внутри феодальной верхушки в очередной раз в истории города сыграли свою отрицательную роль. Относительно пассивную позицию заняли представители купечества и некоторые первые городские промышленники, которые уже много лет вели торговые дела с Россией, и безопасность караванов, удача торговых операций, а, следовательно, политическая стабильность заботили их больше всего.

Весной 1865 г. под Ташкентом разгорелась настоящая война между подошедшим отрядом русских войск под командованием генерала Черняева и объединенными силами кокандской регулярной армии и ополчения, возглавляемыми ханом Алимкулом. Детальное описание главного сражения можно найти у Мухаммада Салиха Ташканди, который сам был участником событий. Он с горечью отмечает, что ташкентцы не оказали вовремя нужной поддержки кокандским военным силам: «они оставались у себя в домах, отчего число ташкентских газиев стало меньше». В этом сказалась инерция многолетнего сопротивления Ташкента кокандским властям. Однако после поражения кокандцев в этом сражении город мобилизовался для обороны: укреплялись стены, куда поднимали пушки, и были посланы эмиссары за помощью к эмиру бухарскому. Помощь, однако, не подошла, из-за активных действий Черняева.

После штурма и взятия города 16 июня 1865 г. у царского правительства России появился проект воссоздания Ташкентского ханства под Российским протекторатом, однако вскоре от этого отказались, - город вошел в состав империи, а затем стал

административным центром созданного в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. На первых порах здесь сложилось своеобразное разделение управления между верхами местного населения и российской военной администрацией. Эта система официально именовалась «Военно-народное управление». Но на практике она было ширмой усиливающейся эксплуатации Россией Туркестанского края. Очень скоро, с развитием капитализма в России, Туркестан переходит на положение колонии.

Сразу после взятия Ташкента к востоку от него рядом со Старым городом, окруженным стеной с 12-ю воротами, был заложен европейский город. Строительство началось с сооружения крепости, по типу европейских, и первой улицы, соединявшей кокандскую Урду, где разместился русский гарнизон, с этой новой крепостью. Улица шла вдоль восточного фасада городской стены. Город планировалось разместить на обширной территории между каналами Анхор и Чаули. На левом берегу Анхора между Урдой и крепостью вскоре был выстроен дворец губернатора - «Белый дом» с площадью - плацем для военных парадов перед ним. В первые же годы стены бывшей кокандской Урды были разрушены, и территория вошла в состав Нового города, первый проект застройки которого был разработан уже в 1866 г. инженером Колесниковым¹³². В 1870 г. инженером Макаровым был составлен первый генеральный план строительства нового Ташкента¹³³.

Одним из первых иностранцев, посетивших Ташкент после его вхождения в Российскую империю, был Юджин Скайлер. Будучи членом американской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге, он прибыл в Ташкент в 1873 г., имея при себе официальные рекомендательные письма для генерал-губернатора Туркестанского края Г.Кауфмана. Поскольку Г.Кауфман в это время был в Хивинском походе, он отправил свои бумаги в ставку генерала и был вынужден дожидаться в Ташкенте его возвращения, прежде чем начать свое запланированное путешествие по Центральной Азии. Вынужденная задержка использовалась дипломатом для того, чтобы лучше познакомиться с жизнью местного общества, как русской части города, так и Старого Ташкента¹³⁴.

По словам Ю.Скайлера, Г.Кауфман, который обладал всей полнотой военной и гражданской власти, за что был прозван Ярым-паша (полуцарь), подражал жизни азиатских монархов,

которые его окружали. Он и вся его семья выходили только в сопровождении эскорта казаков. Но вскоре это было упразднено, так как в Ташкенте стремились создать подобие императорского двора в Петербурге. Три раза в год генерал-губернатор давал балы, на которые приглашалось и русское высшее офицерство, и представители местного населения. Как принято в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, выход Кауфмана с супругой сопровождался реверансами присутствующих дам и всем придворным этикетом, полностью перенесенным на этот «мини-двор». Ему воздавались почести, и все стремились быть в фаворе «получаря». Кроме генерал-губернатора, были учреждены также посты военного губернатора и вице-губернатора. Генеральный штаб и другие сановники составляли высший свет этой столицы в миниатюре. Супруги и семьи высшего руководства считали себя элитой общества, вели себя спесиво и заносчиво по отношению к другим. В итоге это мини-общество так же, как и в Санкт-Петербурге, делилось на клики и партии, враждующие и подсиживающие друг друга. Русское офицерство оказывалось здесь в Туркестане либо сосланным за какие-то провинности (как барон Вревский), либо приезжало в поисках быстрого обогащения. В нравах этого общества было пьянство и игра в карты. Среди офицеров широко распространялось самоубийство. Общественное мнение, однако, снисходительно молчало в отношении всех этих пороков. Скайлер подчеркивает, что это - его общее впечатление. Вместе с тем многие русские говорили по-персидски и по-узбекски. Были среди них интересующиеся историей, древностями края, но очень мало кто интересовался жизнью местного населения. Были созданы общества естественной истории, антропологии, которые собирались у генерал-губернатора. Больше всех интересовался жизнью автохтонного населения некий агент, делегированный министром финансов России, который изучил тюркский язык и говорил на нем с элегантною и точностью. Его дом был всегда открыт для жителей Старого города. Вместе с тем среди местного населения было несколько человек, знавших русский язык, в основном, - торговцы и выходцы из российских татар. Интересен отзыв Ю. Скайлера о встречах с Ходжой Алимом Юнусовым, который еще до взятия Ташкента русскими жил здесь и торговал с Россией. Вместе с тем он совершил хадж в Мекку и путешествовал в Индию. «Я видел его очень много раз. Он действительно

является одним из наиболее значительных людей, встреченных мною. Он был, по-моему, в значительно большей степени философ, чем мусульманин, и всегда был полон новых идей и замыслов. За 20 лет, прожитых в Ташкенте под местной властью, он уделял все время садоводству, хлопководству, шелководству, коллекционировал наложниц. Со времени прихода русских он устремился к цивилизации. Построил дом, начал возделывать американский хлопчатник, организовал мыловаренное производство, попытался ввести машины для прядения шелка и очистки хлопка, но... большинство его попыток потерпело неудачу раньше, чем пришла к нему серебряная медаль, полученная с Московской выставки. Ходжа много читает, его интересы всесторонни, а его осведомленность в науках достаточна, чтобы стать членом различных ученых обществ Москвы и Санкт-Петербурга». «Он сердечный и открытый человек, но в настоящее время не часто встретишь таких», - замечает Скайлер¹³⁵.

После характеристики русского общества в Ташкенте Скайлер переходит к описанию визитов любознательного путешественника в Старый город. Посещает базары, лавочки ремесленников, детально описывает жизнь улиц и кварталов «азиатского города».

Их жизнь он изучает с большим интересом и симпатией, показав себя замечательным наблюдателем, доброжелательным к людям, внимательным к деталям. Ценность этих записок в том, что это - объективное описание жизни местного населения, его взаимоотношений с русскими, автором, над которым не довлеют политические условности. В его характеристике позднесредневекового Ташкента мы находим массу нюансов, ускользнувших, быть может, от других авторов. Особенно это касается описания работы ремесленников и их методов. Живое, окрашенное легким юмором, изложение делает чтение этих заметок увлекательным для широкого круга читателей.

Ю.Скайлер свидетельствует, что Ташкент обладал городской стеной протяженностью около 25 км, некогда в ней было 12 ворот, трое из них, обращенные к русской части города, в его время были разрушены. Стена местами достигала высоты от 12 до 15 футов (от 3,6 до 4,5 м), была выстроена из пахсы и покрыта штукатуркой. Основание ее шире верха, который завершен зубцами. Есть несколько амбразур для пушек. На по-

ловине высоты стены оборудованы площадки, для пушек и размещения солдат.

За пределами стен на 9 км простирались дома с садами, образуя рустаки. Автор особо подчеркивает изобилие воды в разветвленной сети каналов, протекающих через город и берущих начало из Ниязбека. Отмечая прекрасное водоснабжение города, он вторит в этом средневековым авторам, начиная от Ибн-Хаукаля, писавшим о городе в X в. Окрестные сады полностью закрывают город, если смотреть на него издалека. Они еще великолепны, хотя сильно пострадали с приходом русских. Деревья вырубались, когда расчищали место для ярмарки и площадей для воинских парадов и упражнений. Многие из них срублены на топливо. Из-за дороговизны угля находили более дешевым и приятным рубить фруктовые деревья местных садов, сжигая как дрова абрикосовые, персиковые, вишневые деревья.

Дальше за садами вплоть до гор простирается степь и кое-где заметны селения. Один из окрестных рустак, названный Куйлик, на берегу Чирчика, сейчас превращен в резиденцию русского префекта, и здесь построено много домов в русском стиле. Другая местность, Ногай-курган, заселена исключительно татарами, которые были выселены из России, они приехали, чтобы заниматься торговлей.

Город по-прежнему делился на четыре части: Шейхантаур, Бешагач, Кукча и Себзар. Автор объясняет это согласно существующей легенде, изложение которой можно найти также у известного этнографа А. Диваева¹³⁶. Ранее, якобы, это были отдельные деревни, подчас соперничавшие друг с другом, которые постепенно стянулись в единый город благодаря торговым связям. Во время визита Скайлера каждая из этих четвертей имела своего собственного аксакала и своего начальника полиции, а весь город управлялся комендантом или русским префектом, обширный дом которого в это время располагался в квартале, приближенном к русской части города. Комендантом во время визита Скайлера был полковник Медынский, который жил в Туркестане со времен Черняева и настолько хорошо знал нравы местного населения и язык, что обходился без переводчика. Скайлера поражает порядок и хорошая работа всего управления. Преступления крайне редки, воровства нет, совершенно безопасно прогуливаться пешком или на лошади

в любой части города в любой час ночи, без риска нападения. Он был удивлен этим порядком, так хорошо поддерживаемым местной полицией, как и добрыми отношениями, установившимися между местными жителями и русскими.

Скайлер, который много путешествовал по Центральной Азии, находит, что ни один азиатский город не столь многообразен, как Старый Ташкент. Его улицы причудливо изогнуты, и когда вы идете по ним, они то взбираются вверх, то спускаются вниз, вдруг вы упираетесь в какую-то стену или оказываетесь под деревянным порталом мечети, минарет которой уходит далеко в небо. Вы выходите на берег глубокого оврага или же на шаткий деревянный мостик, нависающий над самой водой. Повсюду деревья вдоль стен, так как сады здесь в большом изобилии. Или переулок приводит вас к какой-нибудь мельнице, звук которой слышен издалека. Скайлера очень заинтересовало устройство местных мельниц. Вода течет по желобу и заставляет вращаться огромное колесо, ось которого снабжена широкими деревянными зубьями. На них покоятся массивные деревянные балки. По мере вращения колеса они летят вниз одна за другой вдоль зубьев, поднимая другой конец, который имеет форму молота, и с силой бьет в ступу, размельчая в ней зерно. Устройство этих мельниц, безусловно, пережило века и идет из глубокой древности.

Чтобы попасть из русской части Ташкента в Старый город, следует пройти по улице, разделяющей европейский Ташкент на две равные части, пересечь небольшой холм, покрытый булыжником, затем шаткий мост через один из каналов (Анхор). По ту сторону канала сразу начинаются лавки, за ними - литейная мастерская, текстильная мануфактура и стены, на которых сушатся свежескрашенные мотки хлопка, и перед пешеходом вырастает великолепное медресе Бекляр-бека, которое отмечает главный вход в базар. Это - фокус всей городской жизни, где бьется пульс средневекового города. С платформы перед медресе видна вся панорама главного базара. «Если взглянуть вдаль на то, что кажется глиняной обширной равниной, а на самом деле это сплошной массив плоских крыш лавок и домов, кое-где заросших травой и маками, то ощутишь базар, занявший низину между холмами. Они, в свою очередь, увенчаны зданиями мечети, перед которыми купола бань. На каж-

дой улице своя специализация: вот улица торговцев шелком, далее - ювелиров, а здесь работают мастера по изготовлению бронзовых сосудов». Кое-где можно видеть порталы двора каравансарая, где расположены купеческие конторы, гостиница и склады, а лавки и прилавки затенены легкими навесами из камышовых циновок. Место продажи аптекарских товаров указывают пучки целебных трав, вывешенных под навесами. Здесь приготавливают шашлык на горячих углях. Там - чайхана, лепешечная. Далее на возвышении торговец предлагает детям сироп из сахарного тростника со льдом.

Каждая лавочка состоит из одного или двух маленьких помещений и широко открыта на улицу, а продавец восседает на ковре или циновке в окружении своих товаров. Покупатели всего остаются на улице или на пороге, часто не слезая с лошади.

В описании базара автор обращает внимание на одну деталь - ремесленники работают тут же, совмещая ремесло с лавкой. В XVIII в. основные ремесленные мастерские сосредотачивались в махаллях. Надо думать, что, то же самое было и сейчас, а в лавках на базаре помещались только мастера, изготавливавшие расхожие товары. Любопытна еще одна деталь, подчеркнутая автором. Торговцы не продают товар большими партиями сразу; если покупатель будет настаивать, продавец поднимает цену. Торговцы объясняют это просто: у меня запас товаров на неделю, если продам все, чем тогда буду заниматься оставшиеся дни?

Главный базар в Ташкенте собирается в среду, когда в город съезжаются со своими товарами из окрестных сел. Кроме центрального, в городе есть еще несколько базаров, которые располагаются близ ворот и особенно около Урды, рядом с русским кварталом. Специально для русских организован базар в европейской части города, где в основном торговали хлебом, мясом, фруктами и овощами. Особенно он посещался по воскресеньям, почему и получил название Воскресенский базар, а русские прозвали его «Пьян-базар», поскольку его часто наполняли солдаты в нетрезвом состоянии, а наказание за пьянство не было слишком суровым. Примечательно, что оба термина дожили в «народной топонимике» вплоть до 50-х годов XX в., хотя самого базара уже давно не существовало.

Ю.Скайлер подружился со многими местными жителями и часто бродил по старому Ташкенту с друзьями или в сопровождении муллы какого-то медресе. Он часто бывал в этих учебных заведениях, его очаровывали их затененные аллеи, лужайки вокруг прямоугольного бассейна (хауза), где приятно прогуливаться, придя с улицы. Ученики читают и повторяют суры Корана в своих маленьких кельях.

Повторяя сведения средневековых источников, Скайлер приводит главным признаком города наличие мечети для пятничных молитв. Вместе с тем он отмечает, что в Ташкенте старые здания очень редки. Большинство мечетей маленькие и в плохом состоянии. Заслуживают быть упомянутыми лишь мечеть Ходжи Ахрара с ее разбитыми плиточными мозаиками и современное медресе Бекляр-бека с его башенками и галереями, доминирующее над базаром.

Видимо, от своих знакомых мулл, услышал он и легенду об организации ремесленных корпораций-касабов, которых должно было быть 32. Именно такое число должно быть избрано, поскольку человеческое тело состоит из 32 членов, корпус торговцев не должен быть меньше. Каждая же отрасль ремесла должна также делиться на подотрасли в числе не менее 32.

Традиционно основную массу городского населения Ташкента составляли ремесленники, изделия которых, изготовленные вручную кустарным способом в основном продавались на городском базаре для внутреннего потребления. Это - «зеленая кожа» (коксоля), ткани, мыло, посуда, юфть красная и черная, чугунная утварь и пр. В описании Скайлера содержится ряд любопытных подробностей технологии изготовления ряда изделий, которые есть еще в перечнях товаров Бинкета X в. Химические компоненты многих составов, дубильных или красящих, упомянуты еще у Беруни, но технология их использования неизвестна. В описании Скайлера это были очень примитивные методы, которые ретроспективно вполне могут быть отнесены и к древности. Таковы, в частности, обработка кож, изготовление тканей и кошм. Кожевники селились в махаллях у воды и джаров. Процесс от выделки кож до изготовления готовой продукции был разделен между мастерами. Выделку кож проводили разными методами, на взгляд Скайлера, все они примитивны. Чаще всего шкуры вымачивали в растворе квас-

цов и соды, потом очищали от шерсти, мыли, покрывали ячменным тестом, затем высушивали. Телячьи, козьи и овечьи кожи обрабатывали так же, но вместо обмазывания тестом их покрывали веществом, изготовленным на основе коры сумака (*Rheum Emodi*), чернили смесью вещества из нароста на стволе фисташкового дерева и купороса. Кожи быков и яков после вымачивания просаливали и коптили.

Для предметов, используемых при верховой езде, брали кожи коз и овец, выделанные тем же способом, но затем окрашивали их в красный цвет соком растения *Rubia Tinctorum*, а в желтый - испараком. Вспомним знаменитые чачские седла, которые экспортировались в степь в IX-X вв.

Для саура - сорта шагреновой кожи, которая шла на изготовление главным образом сапогов и галош, брали лошадиные и ослиные шкуры, которые выделывали тем же методом, но вместо копчения мастера чертили на них острым инструментом сетку из линий. Затем их покрывали просом, положив на широкий расстеленный кусок кошмы, затем топтали или били. Когда поверхность прорабатывалась, кожу выставляли для просушки, отряхнув просо, и добавляли медный порошок, мышьяк и еще одно неизвестное вещество, что давало прекрасный зеленый цвет.

В отдельном секторе базара продавали изделия из верблюжьей шерсти, канаты, детали юрт и главным образом кошмы - изделия киргизских женщин. Способ валяния кошмы, описанный Скайлером, хорошо известен этнографам, он дожил и до настоящего времени.

Все виды красителей для кож, шерсти, хлопка, шелка продавались в специальной лавочке. Наряду с исконно местным сырьем, как, например, растение *Rubia Tinctorum*, которое произрастает в диком виде и культивируется в местных садах, здесь продавались красители (индиго), привозимые из Индии, Бразилии, а также из России.

В окрестных степях в изобилии можно найти испарак (*Delphinium Sulphurum*), из цветков которого получают великолепный желтый краситель, живой и стойкий. Другой желтый извлекают из «тукмак» (цветы *Sophora Japonica*). «Пугак» - гриб, паразитирующий на тутовнике, используется для окрашивания в желтовато-зеленый цвет кож. Черный цвет можно получить из кожуры граната, но чаще всего для окраски в чер-

ный цвет берут «бузгунч», нарост на фисташковом стволе. Для окрашивания в красный цвет шелка применяют кошениль - насекомое, которое собирают с пожелтевших листьев ясеня, тутовника и других деревьев. Однако в последнее время этот краситель вытеснен привозимым из России «фуксином». Характерно, что этот краситель подрывал местное ремесло, и кокандский хан запретил привозить его. Для письма и рисунков использовали китайские чернила, которые получали путем выварки риса в воде с добавлением сажи и льняного масла.

Скайлер также описывает разнообразные типы тканей, традиционно производимые в Ташкенте, и набойки. Из хлопковых тканей продолжали вырабатывать «буз» - неотбеленную ткань для рубах и штанов, которую русские ошибочно называют «мата». Назван также «дака», сорт муслина, хлопковая ткань более тонкого качества, идущая на чалмы. Славился, однако, английский муслин из Индии. Поскольку в России не производили подобного, ввоз из Индии не был запрещен. В подобных замечаниях Скайлера проскакивают некоторые штрихи политики России, стоящей на страже интересов своей промышленности и торговли в отношении своих колоний.

В ряду местных тканей Ташкента упоминается также «алача» - полосатая материя, окрашенная еще в нитках, и «калама» с полосами на белом фоне.

Не обошел наш автор производство и продажу шелковых тканей, хотя он отметил, что в Ташкенте их производили меньше, чем в Коканде и Ходженте. Он называет шелковые ткани, которые могли носить только женщины и дети, и ткани из шелковых и хлопковых ниток для мужчин. Они производились узкими полотнищами в соответствии с шириной станка и пестрели рисунком живых оттенков красного, зеленого и желтого. Вместе с тем начали производить ткани с более четким рисунком спокойных тонов в расчете на европейский рынок. Эти ткани - бекасаб и адрас оставались блестящими даже после нескольких стирок, их ложили специальным деревянным инструментом.

Может быть, и не следовало столь подробно, останавливаться на описаниях Скайлера товаров местного ремесла, если бы их перечень не перекликался с изделиями, упомянутыми арабскими средневековыми источниками, что дает нам право думать, что их производство прошло через века, сохранив в основном свою

технологии. В составе Российской империи Ташкент производил все меньше кустарных изделий. Они постепенно вытеснялись товарами российского фабричного производства, которые все больше контролировали торговлю на рынках. Ручные изделия не выдерживали конкуренции, навыки утрачивались. Более дешевые товары российских фабрик - металлические изделия, фарфор, ситцы наводняли Туркестан и широко входили в повседневную жизнь местного населения. С одной стороны, это способствовало прогрессу, но, с другой стороны, традиции, выработанные тысячелетиями, уходили в небытие.

С удовлетворением можно отметить, что в последнее время в Узбекистане создается обстановка для возрождения забытых народных промыслов и поддержания тех, которые смогли выжить в предыдущий период. Примером этого могут служить прекрасные адрасы ручной работы, которые вновь украшают стенды республики на международных выставках и широко привлекаются для создания коллекций знаменитых кутюрье мира.

Таким образом, наблюдения Ю. Скайлера и его описания жизни, обычаев, особенностей ремесла Ташкента XIX в. служат органичным дополнением образа средневекового города, вносят в характеристику его многогранной жизни яркие, неповторимые черты.

- ¹ Касымов М.Р. палеолитические памятники в верховьях бассейна Чирчика//Древности Чарвака. Ташкент, 1976. С. 12 и сл.
- ² Исламов У.И. Стоянка Кушилиш//У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982. С. 72 и сл.
- ³ Рахимов С. Стоянки эпохи бронзы. Серкали//ОНУ. 1970. № 6. С. 41-42
- ⁴ Геродот. История в девяти книгах. VII. Л., 1972. С.333
- ⁵ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб., 1871. С.33.
- ⁶ Страбон. География в 17 книгах. XI. 8,8. М., 1964.
- ⁷ Пьянков И.В. Саки. Душанбе, 1968. С.13.
- ⁸ Филанович М.И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 175.
- ⁹ Большие Юэчжи – кочевые племена, пришедшие в Бактрию (юг Узбекистана) во II в. до н.э. Хунны – кочевники Монголии, продвинувшиеся в Семиречье.
- ¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.;Л., 1950. С.149; Кюннер Н.Р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.174.
- ¹¹ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.110.
- ¹² Ли – китайская мера длины, равная примерно 0,5 км.
- ¹³ Sprengling M. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953. P.7.
- ¹⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 125
- ¹⁵ Массон В.М. Хорезм и Кушаны. Эпиграфика Востока. М.-Л., 1966. С.80; Rtvcladze E.V. Pre-muslim coins of Chach. Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 5, 1997/98. P.310-311.
- ¹⁶ Бичурин Н. Цит.соч... С.313
- ¹⁷ Ртвеладзе Э.В. Монета Тюркеша – правителя Чача.//Нумизматика Центральной Азии, V, Ташкент, 2001. С.43-47.
- ¹⁸ Дихкан – владелец «диха»- крепости, замка.

- ¹⁹ Лифшиц В.А. Согдийский посол в Чаче (документ А-14 с горы Мур)//СЭ № 2, М.,1960. С.96.
- ²⁰ Кляшторный С.Г. Цит.соч... С.125
- ²¹ Тереножкин А.И. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1948. С.106 и сл; Филанович М.И. Цит.соч. С.100 и сл.
- ²² Бичурин Н.Я. Цит.соч. С.272.
- ²³ Boyce M. The Fire-temples of Kerman//Acta Orientalia. XXX. Copenhagen, 1966. P.55.
- ²⁴ «Хуское» по Бичурину – «Туркестанское»
- ²⁵ Китайцы в древних рукописях Среднюю Азию и прилегающие к ней земли называли «западный край».
- ²⁶ «Ди» — най из камыша; «пипа» — древний музыкальный инструмент народов Туркестана «уд».
- ²⁷ Проблемы востоковедения, 1960, № 5. С.128.
- ²⁸ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С.84-85; Малявкин А.Т. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С.224.
- ²⁹ Мавераннахром арабы называли область между Амударьей и Сырдарьей, в переводе – «то, что за рекой»
- ³⁰ Название дирхемов «мухаммади» и «мусейяби» происходят от имен: Мухаммеда б. Дехда, одного из подчиненных арабских правителей Мавераннахра и Мусейяба б. Зухейра (780-783 гг.) – хорасанского наместника, которые начали чеканить эту серебряную монету.
- ³¹ Илак – область по течению р. Ахангарана, связанная с Чачем единым экономическим и рудным потенциалом.
- ³² Бируни Абу Райхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М.; Л., 1963. С.159.
- ³³ Bosword. The Cambridge history of Iran. V. 5. Cambridge, 1968. P.6.
- ³⁴ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С.9.
- ³⁵ Бабур-наме. С.18.
- ³⁶ Жувономардиев А. XVI-XIX асрларда Фаргонада ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965.
- ³⁷ Камал ад-Дин Бинаи. Шайбани-наме. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 1235, л.61; Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме. Рук СПБО ИВ РАН. Инв. № В-745. Л.111а.
- ³⁸ Бабур-наме. С.39.

- ³⁹ Бабур-наме. С.68.
- ⁴⁰ Камал ад-Дин Бинаи. Шайбани-наме. Л.66; Бабур-наме, С.69; Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме. Л.112а-112б.
- ⁴¹ Камал ад-Дин Бинаи. Шайбани-наме. Л.66; Бабур-наме. С.69.
- ⁴² Мухаммад Салих. Шайбани-наме. Посмертное изд. Мелиоранского. СПб., 1908. С.123.
- ⁴³ Бабур-наме. С.135.
- ⁴⁴ Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. Л.92а; Мухаммад Салих. Шайбани-наме. С.152.
- ⁴⁵ Мухаммад Салих. Шайбани-наме. С.155.
- ⁴⁶ Кучум (Кучкунджи) султан, позже хан - верховный правитель государства Шайбанидов.
- ⁴⁷ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара. М., 1976. С.57, 144.
- ⁴⁸ Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан. Соч. Т.VIII. С.141.
- ⁴⁹ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара. С.89.
- ⁵⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. Алма-Ата, 1979. С.272.
- ⁵¹ Болдырев А.Н. Мемуары Зайниддина Васафи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии на рубеже XV-XVI вв. // Тр. Отдела Востока. Гос. Эрмитаж. Т.II. Л., 1940. С.256-257.
- ⁵² Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история. Перевод, послесловие, примечания и указатели А.А.Семенова. Ташкент, 1956. С.58.
- ⁵³ Мухаммад Юсуф Байани. Шаджара-и Хорезм-шахи. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 9596. Л.336.
- ⁵⁴ Бадр ад-Дин Кашмири. Раузат ар-ризван ва хадиқат ал-гилман. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 2094. С. 197, 212, 227.
- ⁵⁵ Бадр ад-Дин Кашмири. Раузат ар-ризван. С.197, 212.
- ⁵⁶ Мукими. Зафар-наме. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 6014. Л.93аб.
- ⁵⁷ Бадр ад-Дин Кашмири. Раузат ар-ризван. С.324.
- ⁵⁸ Абусейтова М.Х. Некоторые сведения о ташкентском восстании 1588 г. в «Шараф-наме» Хафиза Таныша // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1978, № 10; см же. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв. Алматы, 1998. С.161-166; Бартольд В.В. Абдулла б. Искандер. Соч. Т. II. Ч. 2. С. 487.

- ⁵⁹ Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история. С.87-88.
- ⁶⁰ Бабур-наме. С.16.
- ⁶¹ Бабур-наме. С.60.
- ⁶² Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара. С.114
- ⁶³ Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д. Чехович. М., 1974. С.359.
- ⁶⁴ Мактубат ва аснад. Рук. СПбО ИВ РАН. Инв. № А-210. ЛЛ. 94а, 95б. 148б.
- ⁶⁵ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введение, перевод, примечания, указатели Б.А.Ахмедова. Ташкент, 1977. С.56.
- ⁶⁶ Маджмуа ал-васаик. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 1386. Л.174а.
- ⁶⁷ Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.56.
- ⁶⁸ Абусейтова М.Х. «Мусаххир ал-билад» Мухаммад Йар бен Араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века // Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979.С.8.
- ⁶⁹ Самаркандские документы XVI-XVII вв. С.298.
- ⁷⁰ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук. М., 1971. С.122.
- ⁷¹ Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи. Факсимиле рукописи D 88. Перевод, введение, примечания и указатели М.А.Салахетдиновой. Ч.2. М., 1989. Л.38а, 227б.
- ⁷² Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.56.
- ⁷³ Уринбоев А., Буриев О. Тошкент Муаммад Соли тавсифида. Тошкент, 1983.С.14-15.
- ⁷⁴ Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод А.А.Семенова. Ташкент, 1957. С.163.
- ⁷⁵ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук. С.110.
- ⁷⁶ Самаркандские документы XVI-XVII вв. С.298.
- ⁷⁷ Болдырев А.Н. Мемуары.. Т.II. С.260.
- ⁷⁸ Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.96.
- ⁷⁹ Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Критический текст А.Н.Болдырева. Т.І. М., 1961. С.385 и сл.
- ⁸⁰ Уринбаев А., Буриев О. Тошкент Муаммад Соли тавсифида. С.38.
- ⁸¹ В прошлом мазар его был известен под названием Хазрат-и имам. См.: Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоя-

щем. Исторический очерк. Ташкент, 1911. С.75-76.

⁸² В тексте: «железо и чуйан». Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Т. II. М., 1961. С.1332.

⁸³ Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.56.

⁸⁴ См.: Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.-Л., 1932. С.39.

⁸⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Соч. Т. I. М., 1963. С.219.

⁸⁶ Мухаммад Салих Ташканди. Тарихи джадида-и Такент. Рук. ИВ АН РУз. № 7791. Б.968.. См также: Урунбаев А., Бурнев О. Тошкент Муаммад Соли тавсифида. Б.54.

⁸⁷ Бубнова М.А. Состояние добычи драгоценных и поделочных камней в среднеазиатских владениях в XVI-XIX вв. С.121.

⁸⁸ Мухаммад Салих Ташканди. Тарихи джадида-и Ташкент. Л. 967, 968, 977.

⁸⁹ Филианович М.И. Новое в средневековой городской культуре Ташкента. ОНУ. 1982. № 3. С.40.

⁹⁰ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982. С.36.

⁹¹ Бабур-наме. С.21.

⁹² Это мнение было высказано нам при устной беседе с ныне покойными А.Расулевым и К.Убайдуллаевым.

⁹³ Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсикент XIV-XV вв. // ОНУ. 1969. № 8-9. С.81.

⁹⁴ Зайниддин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Т. I. С.385.

⁹⁵ Семенов А.А. Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI-XIX вв. // Памяти А. А. Семенова. Душанбе, 1980. С.14.

⁹⁶ Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.56.

⁹⁷ Бубнова М.А. Состояние добычи драгоценных и полудрагоценных камней. С.122.

⁹⁸ Самаркандские документы XV-XVI вв. С.300-301.

⁹⁹ Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976. С.153-157.

¹⁰⁰ Мактубат ва аснад. Л.94а-95б.

¹⁰¹ Пулатов Х.Ш. Кадимги Ташкент бозорлади // Узбекистонда меъморчилигининг ривожланиши. Тошкент. 1983.

¹⁰² Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.57.

¹⁰³ См., напр. Вафный документ Убайдуллы сына Махмуда

(Ходжа Ахрара), составленный до 1490 г. в кн.: Самаркандские документы XV-XVI вв. С.298.

¹⁰⁴ Буряков Ю.Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978. С.57.

¹⁰⁵ Жувономардиев А. XVI-XIX асрларда Фаргонада ер-сув масалаларига доир. Б.75.

¹⁰⁶ Там же. Б. 76, 77, 84, 85, 88, 90, 96, 97.

¹⁰⁷ Самаркандские документы XV-XVI вв. С.288-299.

¹⁰⁸ Болдырев А.Н. Мемуары... С.257.

¹⁰⁹ Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Т.І. С.156а.

¹¹⁰ Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Критический текст, введение и указатели А.Н.Болдырева. Т.ІІ. М., 1961. С.876-879, 894-895.

¹¹¹ Самаркандские документы XV-XVI вв. С.302.

¹¹² Письма-автографы Абдаррахмана Джами из «Альбома Навои». Введение, перевод А.Урунбаева. Ташкент, 1982. С.67. № 116 (121).

¹¹³ Там же. С.136; Примечания к письмам Абдаррахмана Джами. № 116 (121), с.137; № 146, с.138; № 192, с.138.

¹¹⁴ Бабур-наме. С.16, 21.

¹¹⁵ Бабур-наме. С.402, 403, 407..

¹¹⁶ Абулгази Бахадур-хан. Шаджара-и турк. Казань, 1891. С.199-200.

¹¹⁷ Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Т.ІІ. С.970.

¹¹⁸ Муниров К., Ирисов А., Насыров А. Некоторые сведения об ученых и поэтах Ташкента X-XIX веков. (По рукописным источникам) // ОНУ. 1983. № 9. С.23-26.

¹¹⁹ Мактубат ва аснад. Рук. СПбО ИВ РАН. Инв. № А-210. Л.946-95а.

¹²⁰ Ярлык. Рукописный фонд Восточного отделения библиотеки Казанского государственного университета. Инв. № 4626.

¹²¹ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара. С.113-114.

¹²² Махмуд ибн Вали. Море тайн. С.56-57.

¹²³ Ламаизм – особая форма буддизма, распространенная в Монголии и в Тибете.

¹²⁴ Уринбаев А., Буриев О. Тошкент Мухаммад Солих Тавсифида. Тошкент, 1983. 18-19 бет

¹²⁵ Чехович О.Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIIIв. //История и культура Средней Азии. Древность и средние века).

М., 1976. С.149 и сл.

¹²⁶ Поездка Т.Бурнашева и М.Поспелова в Ташкент (1800 г)// История Узбекистана в источниках. Составитель Б.В.Лунин. Ташкент, 1988. С. 146.

¹²⁷ Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 38.

¹²⁸ Место расположения этой крепости было различимо в топографии Бешагачской части близ улицы Алмазар до последней реконструкции города в 70-х годах XX в. и именовалось Эски Урда. Это был небольшой прямоугольный квартал на возвышенности, обведенный по периметру улицей Караташ.

¹²⁹ Фасра – мауза одной из махаллей Шейхантаурской дахаа на левобережья Салара.

¹³⁰ Сундук-курбанча – местность, где сейчас расположен 19-й квартал Юнусабада.

¹³¹ Следует отметить, что еще недавно в топографии Бешагачской части Ташкента сохранялось место под названием Эски Урда близ улицы Алмазар.

¹³² Добросмыслов А. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1972. С.73.

¹³³ История Ташкента. Ташкент, 1968. С.143.

¹³⁴ Eugen Schuyler. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. New York, 1876, p.76-225; Eugene Schuyler (1873) // Le voyage en Asie Centrale et au Tibet Anthologie au voyages occidentaux du moyen age a la premiere moitie du XX e ciecle. Prepare par Robert Lattont. Paris, 1992, p.309-337.

¹³⁵ Eugen Scchyler (1873) Le Voyage en...P. 317

¹³⁶ Диваев А. Предание о возникновении азиатского гор. Ташкента//Протоколы туркестанского кружка любителей археологии. Протокол №4, 11 декабря 1900 г. С. 145-151.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Очерк 1. У истоков города. (М.И.Филанович)	8
Очерк 2. Столица Чача (V-VI вв. н.э.) (М.И.Филанович)	18
Очерк 3. От Чача к Ташкенту (IX-XIII вв.) (М.И.Филанович)	34
Очерк 4. Северо-восточные ворота Мавераннахра (XV-XVII вв.) (Р.Г.Мукминова)	43
Очерк 5. От республики четырех хакимов к Таш- кентскому государству (XVIII в.) (М.И.Филанович)	84
Вместо заключения. Ташкент глазами американского дипломата и путешественника (вторая половина XIX в.) (М.И.Филанович)	96

Р.Г.МУКМИНОВА, М.И.ФИЛАНОВИЧ
ТАШКЕНТ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ
(Очерки древней и средневековой истории города)

Редактор	В.СОЛОВЬЕВА
Корректор	Ф.ТАДЖИБАЕВА
Тех.редактор	В. ДЕМЧЕНКО
Компьютерная верстка	Ш. САБИРОВА

ИБ 3-564

Подписано в печать 20.11.2001. Формат 84x108 1/32.
Объем 3,625 п.л.. Тираж 1000 экз. Заказ № 227.
Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательско-
полиграфического центра «Янги аср авлоди». 700113,
Ташкент, Чиланзар-8, ул. Катартал, 60.